

DOI: 10.24412/2222-5331-2025-90-140

УДК 141.3

Артём Тимурович Юнусов

О трёх аналитических философиях

Аннотация. В этой статье я выделяю и отграничиваю друг от друга три различных смысла выражения «аналитическая философия» и три связанных с ним понятия, находящиеся сегодня в употреблении. Первое из них — это историческое *доктринальное* понятие аналитической философии, связанное с определённым набором содержательных утверждений, характерных для (прежде всего) англоязычных философов первой половины XX в.: сосредоточенность на анализе, доверие логическому формализму, антиметафизический настрой и т. п. Это понятие обладает исторической ценностью, но не подходит для характеристики современной аналитической философии, давно не имеющей подобной (и вообще никакой конкретной) доктринальной определённости. Признавая отсутствие какой-либо обязательной доктринальной общности у современной аналитической философии, некоторые философы для того, чтобы указать на последнюю, используют другое её понятие, которое можно назвать *генеалогическим*: они указывают на ряд отцов-основателей аналитической философии в первом смысле и говорят, что современные аналитические философы — это философы, которые по непрерывной цепи академической и личной преемственности (т. е. цепи отношений типа учитель-ученик и т. п.) связаны с этими отцами-основателями. Полученное в результате такой процедуры понятие аналитической философии даёт хорошую экстенсиональную определённость, в целом совпадающую с кругом тех, кого мы интуитивно склонны считать аналитическими философами сегодня. Но его недостатком является то, что, будучи дефляционистским, оно лишает выражение «аналитическая философия» внутреннего содержания. Третье понятие аналитической философии — это *нормативное* понятие: аналитическая философия как философия, связанная с определённым набором нормативных ориентиров, т. е. представлений о том, какой именно должна быть хорошая философия. Этими нормативными ориентирами будут такие вещи, как ясность, точность, аргументированность, обоснованность, чувствительность к рациональной критике и т. п. (В противоположность этому нормативными ориентирами континентальной философии будут такие вещи, как новизна способов мышления,

оригинальность, эффективность, способность оказать трансформирующее воздействие на читателя и на общество и т. п.). Я полагаю, что при обсуждении вопроса о том, что такое аналитическая философия, регулярно происходит смешение трёх этих понятий, которого можно было бы и следуя избегать, и что для характеристики *современной* аналитической философии именно третье, нормативное, понятие является наиболее ценным и интересным (в противоположность исторической аналитической философии, для разговора о которой наиболее важным будет доктринальное понятие).

Ключевые слова: аналитическая философия, континентальная философия, метафилософия, история философии, нормативность.

Для цитирования: Юнусов, А. Т. (2025). О трёх аналитических философиях. *Analytica*, 10, 90–140.

§ 1.

Я начну с хода, который выдаст во мне, с одной стороны, исследователя Аристотеля, а с другой стороны — энтузиаста аналитических процедур. Вот этот ход: об «аналитической философии» (далее — АФ) говорят в нескольких смыслах. Я готов выделить по крайней мере три таких смысла, которые я буду далее обозначать АФ1, АФ2 и АФ3. Не исключено, что можно было бы выделить и больше, но для моих целей будет достаточно тех трёх, обсуждением которых я ограничусь: мне кажется, что наблюдение над ними и — в ещё большей степени — над существующими между ними связями может быть чрезвычайно информативно.

Но перед тем, как я объясню, в чём эти смыслы заключаются, и каковы эти связи, я должен сделать одно предупреждение. Ни один из этих смыслов не является *правильным* смыслом выражения «АФ». В известном смысле они все одинаково правильны. Так обычно бывает в языке: когда у выражения есть несколько смыслов, это не значит, что какие-то из них являются правильными, а какие-то — ошибочными. Наша задача в случае полисемии не в том, чтобы установить иерархию подлинного и поддельного, а в том, чтобы, собственно, показать, что смыслов несколько, отличить их друг от друга и отметить, что одни уместны для одних контекстов и целей, а другие для этих целей или контекстов могут быть либо неуместны, либо по крайней мере неинтересны. В одновременном сосуществовании множества смыслов и способов употребления языковых выражений нет никакой проблемы до тех пор, пока мы не начинаем путать одни из этих смыслов с другими.

Мы можем путать их в дискуссии друг с другом — и тогда, имея в виду под одними словами разные вещи, мы будем просто говорить мимо нашего собеседника. Либо, что ещё неприятнее, мы можем путать их в своей собственной мысли — тогда, незаметно для себя подменяя один смысл другим по ходу нашего рассуждения (что, я боюсь, с нами проходит чаще, чем мы готовы были бы признать), мы оказываемся в плену заблуждений тем более опасных, что мы уверены в них в силу размышлений и доводов источника столь славного, авторитетного и надёжного, как наша собственная персона. Главная цель, которую стоит поставить перед собой в попытке различить эти смыслы, — это помочь себе и другим избежать подобной путаницы. Как бы то ни было, время перейти к самим смыслам.

§ 2.

То, что я буду называть АФ1, — это АФ в *доктринальном* смысле, то есть АФ как явление, связанное с совокупностью некоторых содержательных философских тезисов. Ради экономии места я формулирую не сами тезисы, а аббревиирующие их позиции, или установки. Речь о таких всем нам известных вещах, как антиметафизичность, привилегированная позиция аналитического метода, особенное внимание к анализу языка, доверие логическому формализму и использование его как способа установления философских истин, антиисторизм, отказ от построения больших систем и работа вместо этого с отдельными обозримыми проблемами и т. д. Стандартный набор прежде всего 30–60-х гг. XX в.: времён зарождения АФ, сколько осознания ей себя как отдельной традиции¹.

Я начал с АФ1 не потому, что это самый важный смысл выражения «АФ», а потому, что для большинства в отечественном философском сообществе это не просто основной, но, пожалуй, попросту *единственный* смысл этого выражения. Это, конечно, прежде всего эффект неинформированности. Большинство российских философов не

¹ Фигуры, отстаивающие эти позиции, и даже исследования, фиксирующие их, слишком многочисленны, чтобы сослаться здесь в подтверждение моих слов на все релевантные источники, поэтому моя выборка будет весьма ограничена. Насколько можно судить, впервые список доктринальных характеристик, очень близкий к перечисленному, связывается с выражением «АФ» прямо на заре его использования применительно к тем, кого мы сегодня считаем ранними аналитическими философами, а именно в (Nagel, 1936). Наиболее острые и решительные формулировки отдельных пунктов этого списка как определяющих для АФ, по мнению историков этого движения, см., напр.: аналитический метод (Monk, 1996); лингвистическая природа исследования (Dummett, 1978, 458, 1993, 4). На русском языке перечисление большей части пунктов этого списка с хорошей подборкой релевантной литературы см. (Джохадзе, 2016, 2–4; 2018, 237–241; 2025, 142–146; Макеева, 2013; 2019).

занимаются АФ (что бы под этой формулировкой ни понималось), мало с ней соприкасаются и в целом имеют о ней достаточно смутное представление, подчерпнутое из вторых (чаще третьих или четвёртых) рук и устаревших источников. Поскольку, не интересуясь АФ, они обычно также не сталкиваются с людьми, которые в ней разбираются, ограничиваясь взаимодействием с теми, чьи познания в этой области столь же неглубоки, как их собственные, и поскольку, повторюсь, таких людей в русскоязычной философии большинство, это порождает своеобразный эффект устойчиво самоподдерживающейся иллюзии. Если я считаю достоверными ложные (или по крайней мере весьма неточные и сильно устаревшие) сведения о каком-то явлении, и если все, с кем я общаюсь и кому я доверяю, считают достоверными эти же самые сведения (и при этом сам я с этим явлением не сталкиваюсь), то у меня, разумеется, мало шансов узнать об их недостоверности. Именно в этом я склонен видеть корни широко распространённого в нашем сообществе представления о том, что, когда люди сегодня говорят об АФ, они по умолчанию говорят именно об АФ¹.

Как читатель наверняка неоднократно ещё прочитает в этом выпуске «Analytica», это представление ошибочно. Ни одна из перечисленных выше содергательных доктринальных характеристик, связанных с АФ1, не является существенным или неотъемлемым элементом *современной* АФ. Сегодня АФ не является по умолчанию антиметафизически (см., напр.: Стравуд, 1998; Glock, 2008³, 48–51; 117–121; Лакс, 2015; Лакс & Крисп, 2024; Джохадзе, 2016, 12–13) или антиисторически⁴ настроенной; не обязательно предполагает

² Следует признать, что если не полное, то существенное сведение аналитической философии к АФ1 бывает характерно не только для плохо знакомого с ней отечественного философского сообщества, но и для куда лучшего её знающего англоязычного. См., напр., свидетельство Дж. Дж. Росса, согласно которому «вплоть до сегодняшнего дня... [1998 г. — *A. Ю.*] многие критики аналитической философии исходят из допущения, что по крайней мере некоторые идеи Венского кружка всё ещё должны разделяться любым, кто считает себя аналитическим философом» (Ross, 1998, 63). См. также перемежающееся с обильной критикой очерчивание подобной доктринальной определённости в (Preston, 2010, ch. 1); ср. также (Preston, 2010, 31ff), где набор характеристик, близкий к АФ1, называется «традиционной концепцией» аналитической философии. К последнему надо, впрочем, относиться с осторожностью, поскольку он очерчивается таким образом для полемических целей, и в остатке этой своей работы Престон будет отстаивать тезис о том, что никакой доктринальной или какой-либо другой определённости у аналитической философии на самом деле нет. Я вернусь к проблеме соотношения доктринального понятия аналитической философии с другими ниже, в §§ 8 и 9.

³ Упомянутая книга Ганса-Иоганна Глокка существует в русском переводе (Глок, 2022). Ниже, как и здесь, я буду ссылаться на английское издание, поскольку не могу рекомендовать читателю этот перевод (см. Шохин, 2024, 312).

⁴ См., напр., (Glock, 2008, ch. 4). Игорь Давидович Джохадзе в (Джохадзе, 2016, 10–11) скорее согласен с Глоком, однако в (Джохадзе 2025) отстаивает прямо

сосредоточенность на анализе языка в противоположность исследованию феноменов мира⁵; не является непременно тесно связанной с логическим формализмом⁶; не считает анализ привилегированным методом философского исследования (см., напр.: Føllesdal, 1997, 3–4; Glock, 2008, ch. 6.1) и вполне бывает готова строить большие системы⁷.

противоположный взгляд; его аргументация в пользу этой позиции создаёт у меня впечатление смешения понятий «история философии» и «экстерналистская история философии»: кажется, с точки зрения Джохадзе, историей философии будет считаться только история, условно говоря, психологических влияний и социальных обстоятельств, приводящих к возникновению философских текстов, но не история учений, аргументов и их внутренней логики (интерналистская история философии). Стоит признать, что интерналистская история интересует АФ больше, чем экстерналистская, но я не вижу причин не считать первую историей философии. Некоторые современные исследователи даже говорят об «аналитической истории философии» (см. напр. Вольф, 2024), хотя лично мне эта формулировка кажется несколько неясной в том её употреблении, в котором её предлагаю эти авторы.

⁵ См., напр., (Rorty, 1992, 374; Glock, 2008, ch. 5.2). Анонимный рецензент данной статьи высказал опасение, что многие современные аналитические философы, которые всё-таки считают, что исследование языка является существенным и определяющим признаком АФ (в частности, речь о современных русских аналитических философах; ещё конкретнее — об определённой части авторов антологии (Никоненко, ред. 2025)), окажутся вовсе не аналитическими философами, если мы признаём, что анализ языка не является определяющей характеристикой АФ. Это опасение напрасно. Чего-то подобного можно было бы опасаться, если бы я утверждал, что если кто-то занимается анализом языка или считает, что АФ должна заниматься прежде всего анализом языка, то это дисквалифицирует его как аналитического философа. Но я этого, конечно, не утверждаю. Если кто-то считает, что определяющей чертой АФ является ориентация на анализ языка, он, с моей точки зрения, лишь имеет некоторые ошибочные метафилософские взгляды. Если он при этом наделен какими-то другими характеристиками, обладание которыми причисляет его к аналитическим философам (вроде тех, которые я укажу ниже, в § 4), то обладание этими ошибочными взглядами никак не мешает ему быть аналитическим философом. Подобно тому, как можно быть математиком, имея ложные представления о природе математики, можно быть аналитическим философом, имея ложные представления о природе АФ. В частности, если отстаиваемый мной в этой статье взгляд на природу АФ окажется ложным, то это, я надеюсь, не извергнет меня из рядов аналитических философов.

Mutatis mutandis сказанное здесь об анализе языка применимо и ко всем остальным разбираемым в этом параграфе предполагаемым доктринальным характеристикам АФ.

⁶ Например, в работах Дерека Парфита, одного из самых важных аналитических философов второй половины XX в., нет ни одной логической формулы. Парфит, испытывавший особенную антиподию к формализму (Edmonds, 2023, 248–249), в этом отношении экстремален, но не исключителен: большая часть современной аналитической философии практически совершенно не прибегает к формальным методам (если, конечно, не считать таковыми использование буквенных переменных в качестве сокращения языковых выражений). Ср. также (Ламберов, 2010, 30–31) и особенно (Черкасов, 2025, § 2.3).

⁷ (Glock, 2008, 164–168) замечает, что к числу систематических философов следует среди прочих отнести Рассела (несмотря на его эксплицитные высказывания против систематизма), Стросона, Куайна, Дэвидсона, Патнэма и Даммита. Однако всё-

Более того, уместен будет даже более сильный тезис: у современной АФ вообще нет *никакой* доктринальной определённости⁸. Нет никакой совокупности содержательных доктринальных философских позиций, которых придерживались бы все без исключения аналитические философы или их большинство, которые были бы неотъемлемы для АФ и не придерживаясь которых нельзя было бы (или по крайней мере, было бы очень странно) считаться аналитическим философом⁹.

таки наиболее ярким примером здесь будут философские системы Дэвида Льюиса и Дэвида Армстронга. Стоит признать, что эти системы, как правило, строились шаг за шагом именно посредством решения отдельных ограниченных проблем (но (Glock, 2008, 166) показывает, что это не так, например, в случае Куайна), но в этом аналитики мало отличаются от многих систематических философов прошлого (например, Аристотеля, Декарта или Юма). Факт постепенного, проблема за проблемой как кирпич за кирпичом, продвижения в построении философских конструкций, кажется, также является правдоподобным объяснением для того, почему мыслителей со всеобъемлющими системами в аналитической философии и правда не слишком много: дело (по крайней мере на данном историческом этапе; ещё лет 70 назад всё было, судя по всему, иначе, см., например, (Логинов, 2025, 52–53)) не в антипатии к системам как таковой, а в том, что построить связную и когерентную систему, внутри которой хорошо артикулирован и аргументирован каждый её элемент, просто чрезвычайно сложно — и, разумеется, тем сложнее, чем этих элементов больше. Но многие современные аналитические философы работают одновременно в нескольких областях философского исследования, и, насколько им хватает на это сил и времени жизни, они склонны пытаться согласовывать результаты работы в одной области с результатами работы в другой: я, пожалуй, не могу назвать ни одного теоретика, который бы с безразличием относился к тому, как то, что он говорит в одних своих работах, соотносится с тем, что он говорит в других. Это если и не системность, то, по крайней мере, протосистемность.

⁸ Ср., напр., (Føllesdal, 1997, 4; Leiter, 2004, 11; Glock, 2008, ch. 5; Васильев, 2019, 153–154; Гаспаров 2025, 78; Нехаев 2025, 167). Иногда этот факт рассматривается как симптом упадка аналитической философии (Джохадзе, 2016; 2025, 149; ср. также подборку источников в Glock, 2008, 1) или как свидетельство утраты ей своего общего ядра, после которой более не имеет смысла говорить об аналитической философии как о едином явлении (Preston, 2007, 26–27). Как читатель увидит ниже, подобного рода верdictы кажутся мне поспешными.

⁹ Константин Фролов обратил моё внимание на то, что переход от тезиса о том, что распространённые утверждения о доктринальной определённости АФ не являются истинными, к тезису о том, что у АФ вообще нет *никакой* доктринальной определённости, не является обоснованным: той краткой отрицательной индукции, которую я произвёл, недостаточно для перехода к столь сильному общему тезису. С тем фактом, что в общем случае краткая индукция недостаточна для установления общего тезиса, стоит согласиться. Наш случай отличен от общего тем, что предложенная отрицательная индукция опровергает все до сих пор предложенные сколько-нибудь распространённые контрпримеры к тезису о том, что у АФ нет доктринальной определённости. Это делает такую индукцию существенно более весомой, чем она была бы в общем случае. Все известные мне кандидаты на роль содержательных доктринальных тезисов, общих для всех аналитических философов, в действительности не являются таковыми. Кроме того, я не вижу никаких оснований считать, что какая-то доктринальная общность у АФ должна иметься, потому что считаю, что доктринальная общность не является существенной для АФ характеристикой.

Этот доктринальный смысл «АФ» поэтому имеет прежде всего исторический интерес: не в том смысле, что он должен оставаться в прошлом, а в том смысле, что он полезен для обсуждения исторических, а не актуальных сюжетов в философии. Говоря об «АФ» в смысле АФ1, мы обозначаем определённые реалии — круг авторов, их тексты, географию их проживания, период времени, в который они были активны и правили бал, и т. п. — для которых характерны подобные доктринальные позиции. Сама по себе такая генерализация — т. е. причисление всех этих фигур на протяжении всего этого времени и т. п. — к «АФ» в смысле АФ1 может быть не беспроблемной¹⁰. Например, Рассел и Мур явно не были настроены антиметафизически (только антиидеалистически); у Мура к тому же не обнаруживается особенного пристрастия к логике. Примеры можно умножать. И всё же для общих целей классификации и наведения хотя бы в первом приближении порядка в разнородном и, разумеется, всегда сопротивляющемся широким обобщениям историческом материале это, кажется, вполне уместный, удобный и легитимный термин, который можно использовать, указывая на совокупность доктринальных тезисов и людей, которые придерживаются этих тезисов и выделяют их таким образом на общем фоне философской мысли их эпохи. Но, повторю, это использование будет носить исторический характер, и его нельзя будет распространить за

Безусловно, я могу ошибаться. Но что ещё я бы мог в данном случае сделать для того, чтобы показать основательность тезиса об отсутствии у АФ доктринальной определённости? Кажется, бремя доказательства в данном случае лежит на тех, кто считает, что к этому тезису можно привести контрпример. Фролов пытается привести такие контрпримеры в своей статье в этом номере «Analytica» (Фролов 2025). Они не кажутся мне убедительными, но должен признать, что чтобы утверждать, что у АФ нет никакой доктринальной определённости со всей уверенностью, мне необходимо было бы также разобрать и опровергнуть предложенных им кандидатов на роль общих для всех аналитических философов доктринальных тезисов. К сожалению, для этого у меня в рамках этой работы нет места.

¹⁰ См. перечисление исследований, в которых указываются проблемы такой генерализации, сопровождающееся неоправданно пессимистичной оценкой её возможности (Preston, 2007, 42 ff.). Пессимизм Престона является следствием необоснованно высокого стандарта единства, который он предъявляет: он утверждает, что об общем понятии аналитической философии можно говорить лишь тогда, когда есть некоторые центральные тезисы, которые разделяли все без исключения аналитические философы (а таких тезисов нет). Подобный стандарт был бы уместен, разве что если бы мы считали, что аналитическая философия представляет собой естественный вид. Полагать, что считающий понятие аналитической философии в смысле АФ1 удачной классификационной единицей должен смотреть на него как на имеющее такую степень единства, значит сооружать соломенное чучело. В случае единицы исторической классификации мы вполне можем говорить о существенном единстве, достаточном для употребления общего понятия, когда философы, на которых оно указывает, разделяют достаточно большое количество доктринальных тезисов в любой их комбинации по принципу семейного сходства. Ср. (Макеева, 2019, 133–135; Glock, 2008, ch. 8.2).

пределы определённых исторических реалий: в частности, для характеристики современной АФ этот смысл нам совершенно не подходит.

§ 3.

Итак, с одной стороны, понятие АФ1 не подходит для характеристики *современной АФ*¹¹. С другой стороны, есть такая вещь, которая называется «АФ» именно сегодня, и хотелось бы быть в состоянии указать на содержание этого понятия в его современном употреблении, каким-то образом очертив его границы. В этих обстоятельствах некоторые люди прибегают к генеалогическому ходу. Их мысль в том, что самый простой способ очертить содержание понятия современной АФ — это указать на фигуры философов, стоящих у истоков аналитической традиции, а затем проследить сеть филиаций, простирающуюся от них к тем, кто стал «аналитическими философами» под их влиянием и вслед за ними; те, кто попадут в это генеалогическое древо философских диадохий, и будут аналитическими философами, а та философия,

¹¹ По настоянию двух анонимных рецензентов этой статьи я должен здесь сказать несколько слов о том, что я имею в виду под «современной» АФ. Я не думаю, что у понятия «современности» в этом или в других случаях имеется или должна иметься чёткая экстенсиональная определённость: «современное» — это нечёткое, или размытое (vague), понятие вроде «лысого» или «жёлтого», и точно так же, как в случае этих последних понятий, область его уместного приложения часто меняется в силу чисто прагматических соображений. Главная цель, которая стоит передо мной, когда я говорю о «современной» АФ, — отличить её от исторической АФ, эталонными примерами которой являются Рассел, Мур, Витгенштейн, философы Венского кружка и оксфордская философия обыденного языка. Дэвид Чалмерс, Тимоти Уильямсон, Кит Файн или Томас Нагель явно попадают в число современных аналитических философов в силу того простого факта, что они живы и до сих пор активно публикуются. Между этими двумя полюсами расположжен спектр убывающей/возрастающей градуэнтности, на котором философов, которых называют аналитическими, можно с большей или меньшей уместностью отнести к «историческим» или «современным». Для удобства мы можем установить в качестве операциональной границы отметку в 50 лет, отсчитанных назад от текущего момента (70-е гг. часто указываются исследователями как время окончательной потери АФ доктринальной определённости): люди, которых обычно идентифицируют в качестве «аналитических философов», большая часть карьеры которых пришлась на время до/после 1975-го, будут принадлежать скорее к исторической/современной АФ соответственно. Так, Сол Крипке, Дэвид Льюис, Дерек Парфит или Дэвид Армстронг будут принадлежать в этом смысле скорее к современной АФ, несмотря на то, что эти мыслители уже покинули нас. Питер Стросон, Майкл Даммит, Элизабет Энсиком или Дональд Дэвидсон будут хорошими примерами промежуточного случая. Факт наличия этой группы промежуточных случаев ещё раз показывает, что эта граница является нечёткой и проницаемой. Но в общих чертах она, смею надеяться, позволяет хотя бы в первом приближении уловить, кого я имею в виду, говоря о «современной» АФ в отличие от исторической (ср. также ниже прим. 51).

которой эти люди занимались или занимаются, соответственно, будет АФ¹².

Иными словами, в данном случае мы начинаем с того, что обозначаем нескольких отцов-основателей аналитической традиции. Список может несколько варьироваться, но в целом он хорошо знаком: обычно в него попадают Мур, Рассел и Витгенштейн; чаще всего к ним присовокупляют Фреге; реже — некоторые другие фигуры¹³. Далее мы говорим, что аналитические философы — это обозначенные отцы-основатели, а также их ученики, ученики их учеников, ученики учеников их учеников и т. д. Мы заранее соглашаемся, что внутри этой традиции с её множеством эстафет преемственности на протяжении более чем века существования не будет обнаруживаться никакой полноценной содержательной общности, будь то доктринальной или какой-то ещё. Какая-то содержательная общность, конечно, будет обнаруживаться на близких друг к другу участках этой цепи преемств и связей, например, непосредственно между учителем и учеником или между коллегами по кафедре. Но не следует думать, что есть что-то, что объединяло бы всё это множество философов сразу, за исключением самой их общей генетологии.

Подобный манёвр даёт нам то, что я называю АФ2, или *генеалогическим* понятием АФ. Его можно также назвать историографическим, или, если позволить себе долю озорства, ординационным. Чтобы быть христианским священником, нужно, чтобы тебя рукоположил в сан тот человек, который сам уже является священником. Чтобы быть аналитическим философом, нужно, чтобы тебя рукоположил в профессию кто-

¹² Самым ранним из известных мне авторов, прибегающих к такому ходу, является Майкл Коррадо (см. Corrado, 1975, ix–xiii). Питер Хакер утверждает, что с утратой доктринальной определённости (близкой к моему АФ1) после 1970-х гг. генеалогия — это почти единственное, что конституирует понятие АФ (Hacker, 1998, 3). Ганс Слуга принимает генеалогические определение АФ в качестве рабочего без подобных оговорок (Sluga, 1998, 17n1). Ряд влиятельных авторов выражают склонность к подобной мысли, хотя и не отдаются ей полностью, выделяя какие-то иные конститутивные, на их взгляд, для философии черты АФ (напр., Soames, 2003, xii–xiii; Фон Вригт, 2013b, 77); среди них стоит выделить Глока, который делает генеалогическую (он говорит: «генетическую») преемственность одним из двух конституирующих элементов АФ и подробно её обсуждает (Glock, 2008, ch. 8.3). Сегодня к генеалогическому ходу прибегает, например, Тимоти Уильямсон (Левин & Уильямсон, 2023, 52–54). Среди авторов нынешнего выпуска «Analytica» ему симпатизирует Евгений Логинов (Логинов, 2025, 2).

¹³ Более экзотические, чем классическая четвёрка, позиции, включают, например, Пирса (напр., фон Вригт, 2013b, 72); Брэдли (Ryle, 1956, 6–8); Больцано (Dummett, 1993, 171; однако, как верно указывает Фёллесдал, «прадедушкой АФ», как нарекает его Даммит, Больцано может быть лишь в концептуальном, но не в генетическом смысле: его историческое влияние на зарождающуюся аналитическую традицию было нулевым: Føllesdal, 1997, 6; ср. Glock, 2008, 225).

то, кто сам уже является аналитическим философом. Он в свою очередь также должен быть сам воспитан аналитическим философом и так далее, до самых отцов-основателей, которым для подтверждения права зваться аналитическими философами родословная уже не нужна.

Как и АФ1, АФ2 является вполне легитимным понятием. Оно совершенно уместно для использования в определённых контекстах и хорошо подходит для некоторых целей и задач, которые могут перед нами стоять: прежде всего классификационных и историографических. Если нам требуется быстро и не вступая в длительные споры описать, кого именно мы понимаем под аналитическими философами, то оно — ровно то, что нам нужно. Это понятие будет вполне на своём месте в рамках, например, курса по истории философии XX–XXI вв. или историографического исследования. Оно удобно тем, что позволяет быстро, довольно чётко и интуитивно правильно очертить круг тех лиц, которые, кажется, действительно являются аналитическими философами — в том, по крайней мере, смысле, что они сами себя так характеризуют, и так же их характеризуют другие аналитические философы. Использование этого понятия быстро даёт нам экстенсиональную определённость. И это весьма хорошая экстенсиональная определённость, то есть полученный таким образом экстенсионал нашего понятия, кажется, довольно точно совпадает с множеством тех, кого имеющие в этом вопросе экспертизу люди обычно интуитивно склонны были бы считать аналитическими философами. И всё это мы получаем довольно невысокой ценой: нам оказывается не нужно придумывать, что общего между всеми этими философами в теоретическом смысле.

При всех перечисленных достоинствах у понятия АФ2 есть являющийся их обратной стороной существенный недостаток. Будучи по своей природе и по своему запалу дефляционистским, оно имеет родовой дефект любого дефляционистского понятия, а именно, оно полностью выветривает содержание того явления, экстенсионал которого оно призвано ухватить. Мы сделали дешёвый дефляционистский ход: мы решили, что мы не будем говорить, что же общего в действительности есть между всеми теми философами, которых называют «аналитическими». Аналитические философы — это просто вот эти, вот эти и вот эти философы¹⁴. Таким образом, на вопрос о том, что же между этими людьми такого общего, что делало бы нас склонными применять к ним какое-то единное наименование и группировать их в некую единую

¹⁴ Аналогия, на которую я хочу прежде всего указать здесь, разумеется, с дефляционистскими теориями истины, утверждающими, что у вещей, являющихся истинными, нет никакого содержательного общего свойства; есть просто вот эти, вот эти и вот эти способы быть истинными (см. Логинов, Мерцалов, Юнусов, 2017, § 2.5; Киркэм, 2020, гл. 10.7). См. также в целом о дефляционизме в современной АФ (Ламберов, 2013).

общность, мы не можем ответить в силу самого устройства этого понятия; мы определяем множество этих философов через филиацию, но не более того (ср. Маслов 2025, 329).

Проблема, однако, в том, что нам, кажется, всё же хотелось бы иметь ответ на подобный вопрос. Ведь непохоже, что мы считаем, что между теми современными философами, которых мы интуитивно склонны причислять к аналитической традиции, нет ничего содержательно общего; напротив, мы исходим из того, что некоторая такая общность между ними есть. Средний читатель этого журнала, если показать ему текст неизвестного ему до сих пор философа, почти наверняка сможет в большинстве случаев весьма точно классифицировать его как принадлежащего или не принадлежащего к аналитической традиции, даже не имея вовсе никаких представлений о его академической родословной. Проверив затем эту родословную, он с высокой долей вероятности убедится в том, что его собственный вердикт совпадает с тем, как этот философ должен быть классифицирован согласно критериям АФ2 (ср. Glock, 2008, 9; Макеева, 2019, 137–138). (Исключения как в уверенности атрибуции, так и в подтверждении её академической родословной АФ2, разумеется, возможны, но едва ли они будут сколько-нибудь часты.) Однако именно тот факт, что понятие АФ2 экстенсионально хорошо ухватывает тот круг философов, которых интуитивно *заранее* склонны причислять к аналитическим, видя в них некоторую содержательную общность, делает это понятие операционально удобным и классификационно притягательным. Но это означает, что та самая причина, по которой оно привлекательно, одновременно указывает на его несовершенство: оно находит своё подтверждение в наших интуициях содержательной общности между определённым кругом философов, одновременно решительно отказываясь что-то говорить о природе этой содержательной общности.

§ 4.

Таким образом, если нам хочется что-то сказать о современной АФ в содержательном смысле, нам нужно искать какое-то дополнительное, третье её понятие — ещё один смысл выражения «АФ», в котором оно содержательно используется сегодня. В этом поиске руководящим вопросом, на мой взгляд, должен быть вопрос о том, зачем мы вообще употребляем это выражение сегодня: что мы хотим *сделать* с помощью использования этого выражения (ср. Hacker, 1998, 14; Черкасов, 2025, 266, 294). Кажется, должно быть почти тривиально истинным, что, говоря об *аналитической* философии, мы хотим отличить её от каких-то *других* философий точно так же, как, например, говоря о классической

филологии, мы хотим отличить её от каких-то других филологий, или, говоря о чёрном чае, мы хотим отличить его от каких-то других чаёв. От каких других философий мы хотим отличить аналитическую? Видимо, прежде всего (хотя едва ли исключительно) — от континентальной.

Я хорошо осознаю, что выражение «континентальная философия» проблематично не в меньшей степени, чем выражение «АФ». Пожалуй, с ним проблем даже больше. Как и в случае философии аналитической, ему недостаёт содержательной определённости; однако дело усугубляется ещё и тем, что если «аналитическим» философами себя кто-то когда-то действительно охотно называл (и кто-то называет до сих пор), то ярлык «континентальная» является внешним и философами, которых причисляют к континентальным, никогда особенно не принимался¹⁵. Нет, насколько я могу судить, в случае континентальной философии и понятия наподобие АФ1, изначального, но вышедшего из употребления доктринального ядра, от которого можно вести цепь филиаций. Наконец, позиции, которые помещаются внутри «континентальной» философии, кажется, могут быть ещё более исторически, теоретически, методологически и содержательно разнородны, чем позиции внутри АФ. В той мере, в какой оппозиция «аналитическая—континентальная» является общеупотребительной и в этом общем употреблении, как правило, не подразумевает какого-то третьего члена деления наряду с этими двумя, может иногда складываться впечатление, что «континентальная» — это чисто негативный термин, призванный обозначать, игнорируя любые возможные внутренние различия, всю массу философий, общей чертой которых оказывается лишь то, что они не являются философией аналитической.

Опять же, для некоторых нужд и целей выражение «континентальная философия», вероятно, можно употреблять и так (всё сказанное выше о многообразии понятий АФ, я подозреваю, будет в равной степени применимо и к философии континентальной). Мне, однако, не кажется, что это его типичное или сколько-нибудь интересное употребление. Кажется, что, противопоставляя сегодня современную «аналитическую» философию современной «континентальной» (а меня интересует именно этот случай), мы противопоставляем не что-то, у чего есть некоторая интуитивная определённость, всему-чemu-бы-то-ни-было остальному, а что-то, имеющее одну интуитивную определённость, чему-то, имеющему другую интуитивную определённость. Мы можем говорить о том, что какой-то текст является типичным континентальным текстом или какой-то философ является типичным

¹⁵ Хотя исторически довольно рано использовался (хотя и вынужденным образом) в качестве маркера самоописания: см. (Логинов 2025, эп. VIII).

континенталом, что, судя по всему, подразумевает, что внутри нашего интуитивного представления о «континентальности» есть градации, подразумевающие, что нечто может соответствовать этому представлению в большей и меньшей степени, быть более или менее эталонным образцом континентальной философии¹⁶. Мы также можем спорить о том, принадлежит ли некий философ или даже некоторая ветвь философии к континентальной традиции, будучи согласны, что они точно не принадлежат к традиции аналитической¹⁷. Всё это было бы проблематично, если бы «континентальная философия» была чисто негативным понятием, лишённым собственного содержания. Таким образом, та континентальная философия, которой мы противопоставляем современную АФ, когда пытаемся указать на специфику последней, — это не просто не-АФ; это философия, которая находится в оппозиции к АФ некоторым определённым образом, более сложным, чем простая негация.

Из сказанного выше следует, что деление на аналитическую и континентальную философию не является в моём понимании исчерпывающим. Но говорить ниже я буду почти исключительно именно о противопоставлении континентальной и аналитической философии, и именно руководствуясь этим противопоставлением я буду делать какие-то выводы о понятии современной АФ, которое кажется наиболее интересным мне. Отчасти это связано с недостатком места. Отчасти — со сложностью предмета. Но в наибольшей степени это является следствием наблюдения, которое также уже было сделано выше: в качестве стандартной оппозиции в интеллектуальном обиходе используется именно деление философии на аналитическую/континентальную. Это деление является настолько общепринятым, что оно, по существу, сегодня безальтернативно: нет другой расхожей оппозиции, которая бы конкурировала в этом плане с данной, равно как и нет какого-либо устойчивого кандидата на роль третьего члена деления наряду с

¹⁶ Для экстенсиональной ясности следует сказать, что «эталонными» континентальными философами (по крайней мере, в моём представлении) будут, например, представители «французской теории» (Делёз, Деррида, и т. д.) или современные спекулятивные реалисты (Харман, Мейасу и т.д.). Ник Ланд или Франсуа Ларюэль также входят в число референтных в этом смысле фигур. Поздний Хайдеггер является более эталонным континентальным философом, чем ранний.

¹⁷ Например: являлся ли диалектический материализм частью континентальной философии? Я встречал людей, которые считают, что да. Сам я в этом совершенно не уверен. (Ср. разделение современной ему философии на аналитическую, континентальную и диамат в речи Жана Валя на коллоквиуме 1958 г. в Руаймоне, послужившем важной вехой в аналитико-континентальном размежевании: (Логинов 2025, 41–42).) Но ни я, ни мои собеседники, разумеется, не думаем, что в нашем споре о классификации диамата как части континентальной философии на кону в том числе то, будет ли он в случае отрицательного решения *ipso facto* определён как философия аналитическая.

континентальной и аналитической философиями¹⁸. Это кажется мне свидетельствующим о том, что именно противопоставление между ними является центральным для конституирования смыслов обоих выражений так, как они используются сегодня для отмежевания от всего, что ими не является.

Если мы считаем, что мы используем выражение «АФ» для содержательной характеристики современных фигур и текстов в отличие от каких-то других философий, прежде всего континентальной, то следующим естественным вопросом, который у нас должен возникнуть, является: по какой именно границе проходит различие между теми и другими? Каков тот содержательный признак, или ряд таких признаков, в соответствие с которыми одни философы характеризуются как аналитические, а другие — как континентальные?

Мы уже видели выше, что на эту роль не подойдёт никакой доктринальный признак, равно как и совокупность таких признаков. Границу между этими традициями иногда также пытаются провести, говоря о различиях в методах, но этот способ демаркации в первом приближении также не кажется мне удачным. Я согласен с тем, что, если говорить о *само* методах, применяемых в АФ, то они слишком разнообразны, чтобы можно было говорить о каком-то их общем наборе, объединяющем всех аналитических философов (ср. Макеева, 2013, 60). Иногда, однако, понятие метода при разговоре об АФ пытаются сильно обобщить, говоря об общей установке на аргументацию, обоснование, работу с конкретными проблемами и т. п.; иногда в таких случаях через запятую к «методу» добавляют «стиль» или даже говорят об одном «стиле» без «метода» (напр., Williams & Montefiore, 1966, 2–5; Williams, 1985, viii; Грязнов, 1998, 5–6; Leiter, 2004, 11; Шрамко, 2007, 91–92; Glock, 2008, chap. 6; Шохин, 2013, *passim*; Джохадзе, 2016, 9–10; Макеева, 2019, 135 ff.; Кардаш, 2021). Хотя, по существу, это движение в правильную сторону, едва ли используемые обозначения этого феномена вполне удачны. Ярлык «метода» мне кажется малоинформативным¹⁹ и проводящим границы там, где их лучше было

¹⁸ Некоторые противопоставляют АФ, помимо континентальной, «традиционную» или «традиционалистскую» (Glock, 2008, 15, 20, 85–88, и т. д.; ср. Preston, 2007, 8–17), но этот член деления не слишком популярен и определён ещё хуже, чем остальные два (ср. Шохин, 2024, 301). См. также обзор других возможных оппозиций в (Скрипник, 2021, 175–176).

¹⁹ Действительно ли уместно называть, например, аргументацию или обоснование методами? Кажется, что указавший в разделе «Методология» квалификационной или научной работы «аргументацию» или «обоснование» вероятнее всего столкнётся (в лучшем случае) с непониманием со стороны читателей и коллег.

бы избежать²⁰. «Стиль» ближе к сути дела, но и это обозначение не кажется мне вполне удачным, прежде всего в силу его размытости и всеядности. Поэтому, хотя то различие, которое я буду описывать ниже, является наиболее близким к различию в «стиле» или, если понимать его в указанном очень широком смысле, в «методе», я всё же выбрал для его описания другую терминологию, которая, как мне кажется, значительно лучше указывает на существо линии демаркации.

Различие, которое кажется лично мне наиболее релевантным в вопросе о том, чем аналитическая философия отличается от континентальной, — это *нормативное* различие. (Поэтому АФ3, третье понятие АФ, о котором я буду далее говорить, — это *нормативное* понятие АФ.) Речь о различии между АФ и другими традициями в том, что можно назвать *нормативными ориентирами*, или *нормативными идеалами*. Под нормативными ориентирами, или идеалами, я подразумеваю, в первом приближении, представления о том, какой *должна быть хорошая философия*, к чему мы *должны стремиться* в нашей философской работе, какие принципиальные *достоинства*, или *добродетели*, должны обнаруживаться в наших философских текстах или выступлениях в первую очередь. И я полагаю, что аналитическая и континентальная традиции явно имеют различные нормативные ориентиры: представление о том, что прежде всего делает философию *хорошей философией*, сильно различается в случае той и другой²¹.

²⁰ Кажется, что близко к ряду тех характеристик аналитической философии, которые хотят ухватить те, кто говорит о её определении через «метод», стоят такие вещи, как интеллектуальная осторожность, открытость к критике, готовность вступать в дискуссию и т. п. Но их трудно включить в понятие «метода» даже при самой щедрой его интерпретации.

²¹ Анализический «стиль», через который определяет АФ Лолита Брониславовна Макеева, в её представлении «в основном объединяет в себе разнообразные регулятивы, нормы и правила» (Макеева, 2019, 138) и в этом смысле близок к тому, что я называю «нормативной ориентацией». Однако, если я правильно понимаю её описание явления стиля, эти регулятивы, нормы и правила а) могут быть в том числе гораздо более специфическими, узкими и частными, чем нормативные ориентиры, о которых ниже говорю я, и б) не столько указывают в сторону того, какой должна быть «хорошая философия», сколько представляют собой имплицитные и само собой разумеющиеся представления о том, как делается философия в принципе (опять же, в т. ч. на очень повседневном и, так сказать, ремесленном уровне).

Я испытываю определённую симпатию к подходу Макеевой, однако мне кажется, что её понятие стиля слишком широко и, так сказать, всеядно: если я правильно его понимаю, то в него будет попадать всё характерное и типичное, вне зависимости от того, является ли оно важным (так, для АФ характерно, но вряд ли важно, что это англоязычная философия; меж тем я не вижу, почему это нельзя отнести к её «стилю» в смысле Макеевой). Кроме того, насколько я понимаю, одной из мотиваций Макеевой было предложить единое понятие АФ, приложимое ко всему, что традиционно считается принадлежащим к этой традиции, в то время как я полагаю, что такого единого понятия

В случае АФ нормативными ориентирами являются такие постоянно проговариваемые вещи, как ясность, точность, стремление к однозначности, интеллектуальная осторожность, аргументированность, обоснованность, открытость к рациональной дискуссии, открытость к критике, готовность работать с другими коллегами-философами в дискуссии и т. д.²²

В то же время, когда мы обращаемся к континентальной философии, особенно в самых характерных её проявлениях, то мы обнаруживаем перед собой совсем другой список нормативных идеалов. Не будучи погружен в эту традицию столь же глубоко, как в аналитическую, я испытываю меньше уверенности в том, что могу

не существует и в обиходе используются несколько понятий АФ, между которыми нам надо научиться проводить различие. Из двух этих соображений, взятых вместе, вытекает ещё одно моё сомнение: кажется, характеристика АФ с помощью понятия «стиля» может служить для историко-философских целей (подобных тем, для которых мы пользуемся «АФ1»); но, отделя *современную* аналитическую философию от *современной* континентальной, мы обычно не преследуем строго исторических целей; мы рассматриваем это различие как говорящее что-то *важное* о той или другой традиции, и важное не только в смысле существенного в противоположность акцидентальному, но и в смысле достойного внимания в отличие от тривиального (ср. ниже конец § 9). В то же время нельзя не заметить, что подход Макеевой к определению современной АФ справляется с «ревизионистскими» упреками лучше, чем тот, что предложу далее я: ср. ниже § 8.

²² Ср., напр., (Carnap, 1961, XIX–XX; Williams & Montefiore, 1966, 5; Williams, 1985, vii–viii; Cohen, 1986, ch. 2; Searle, 1996, 24; Føllesdal, 1997, 7 ff.; Soames, 2003, xiii–xv; Beckermann, 2004, 12; 106–107 Джохадзе, 2016, 2; Маслов 2025, § 5; Нехаев 2025, 179–181). Александр Феодосьевич Грязнов выделяет употребление выражения «АФ» в узком и широком смыслах (Грязнов, 1998, 5–6), где узкий (кажется?) близок к моему АФ1, а широкий — к моему АФ3, но он включает в широкий смысл не только характеристики, которые я расцениваю как нормативные («строгость, точность используемой терминологии, осторожное отношение к широким философским обобщениям, всевозможным абстракциям и спекулятивным рассуждениям»; «аргументированной убедительности, логичности выводов отдаётся явное предпочтение перед их эмоциональным (или каким-либо иным) воздействием»), но и некоторые доктринальные элементы (язык как объект исследования; использование формальной логики). Почти точно так же объединяет «стилистический» элемент (ясность и чёткость аргументации) с доктринальным (анализ языка и использование современной логики) Ярослав Владиславович Шрамко (Шрамко 2005; 4–5; 2007). Евгений Васильевич Борисов (Борисов, 2021, 145–146) также даёт комбинированное определение АФ, одной из частей которого является стилистическая (понятая нормативным в моём смысле образом: «ясность проблем, дефиниций и тезисов, строгость аргументации, отрефлексированность принимаемых посылок и лаконичность изложения»), но другой частью на этот раз оказываются исторические и институциональные особенности (вкупе примерно соответствующие тому, что конституирует АФ2). См. также характеристику «эмпирической» философии в отличие от «экзистенциальной» и «католической», данную Серфором по итогам международного философского конгресса 1953 года в Брюсселе, на котором ярко обозначился аналитико-континентальный разлом: «ясность, логичность, точность и строгость, избегание эмоций и образов» (цит. по Логинов 2025, 39).

сформулировать их достаточно точно, перечислить в достаточной степени исчерпывающе. И всё же, с учётом этой оговорки и при взгляде со стороны, а не изнутри, мне представляется, что нормативными идеалами континентальной философии являются нечто вроде новизны способов мышления²³, оригинальности идей (и способов их выражения), способностиказать трансформирующее воздействие на читателя и на мир²⁴, яркости, эффективности, интересности, и т. п.

Оба списка, я уверен, можно продолжить, но для моих целей достаточно будет намеченных в них рядов.

§ 5.

Эти два списка нормативных идеалов представляют собой предварительное и потому несколько грубое обобщение, но в общих чертах они кажутся мне вполне верными. Однако, чтобы не быть понятным неправильно, мне необходимо сделать следующие оговорки.

Прежде всего, вопрос нормативной предпочтительности — это всегда вопрос степени, а не абсолютных значений. Это вопрос степени в том смысле, что я не имею в виду, что всё, что считается нормативным ориентиром в рамках одной традиции, непременно считается чем-то плохим и нормативно избегаемым в рамках другой. Например, в рамках АФ такие вещи, как интересность или оригинальность, тоже могут считаться чем-то позитивным. Хорошо, если наша философия оригинальна и интересна: оригинальность и интересность при прочих равных, разумеется, являются достоинствами, а не недостатками философской работы. Однако они не являются нормативными ориентирами в том смысле, что они являются второстепенными, а не кардинальными достоинствами, чем-то, к чему стоит стремиться по остаточному принципу, но не в первую очередь и уж точно не в ущерб тем нормативным идеалам, которые я перечислил выше. Главное, чтобы философская работа была хорошо аргументированной, ясной и прочее, а если она при этом будет оригинальной и небывалой, то это приятный бонус, но это совершенно не главное. То же самое верно и для других нормативных ориентиров континентальной традиции. И точно так же это работает в обратную сторону: в континентальной традиции, например,

²³ Континенталы, кажется, всё время пытаются изобрести именно *новые* способы мыслить о мире, тогда как аналитикам это не очень важно. Наиболее яркой иллюстрацией этого является, пожалуй, понимание философии как творения «концептов» Делёза и Гваттари (Делёз и Гваттари, 2009).

²⁴ Ср. характерный *bon mot* Джона Остина: «я не уверен, что важность важна. Важна истина» (Остин, 2006, 301, перевод изменён). Я с трудом представляю себе континентального философа, который мог бы под этим подписаться. (Впрочем, тем легче посрамить меня, указав мне при случае на такого.)

аргументативность, точность или любой другой из аналитических нормативных ориентиров может считаться чем-то неплохим, но совершенно не главным²⁵.

Вторая оговорка, которую я должен сделать во избежание непонимания, состоит в том, что ставить перед собой некоторые нормативные идеалы²⁶ и достигать этих идеалов — это разные вещи. Не вызывает особенных сомнений, что, если, например, расположить аналитических философов на шкале фактической ясности их текстов, разбитой слева направо от 0 до 1, то далеко не все из них расположатся на крайне правых делениях этой шкалы. Безусловно, существуют чрезвычайно неясные аналитические философы, в случае которых бывает очень непросто понять, что именно они хотели бы сказать²⁷. Однако это не отменяет того, что в рамках сообщества в целом, кажется, идеал ясности считается нормативно чрезвычайно значимым. Об этом можно судить по тому, что отсутствие следования этому нормативному идеалу — равно как и другим идеалам, которые я перечислил, — является тем, что принято *критиковать* в аналитическом лагере. Если ваша философская работа неясна, не аргументирована (или аргументирована плохо), если вы не отзывчивы к критике и т. д., то это считается достаточным основанием для того, чтобы предъявить вам в этом упрёк. Я видел мало упрёков континентальных философов друг к другу в неясности или неаргументированности.

²⁵ Всё это само по себе неудивительно: нормативные ориентиры обеих традиций интуитивно являются чем-то хорошим и привлекательным. В самом деле, было бы странно, если бы в качестве ориентиров в том или ином случае было бы выбрано нечто, имеющее очевидно негативную нормативную окрашенность. Вопрос, однако, в том, что часто в рамках одной работы невозможно совместить все достоинства, и нам приходится выбирать, например, между аргументированностью и эффектностью. То, что мы ставим во главу угла в таких случаях, указывает на то, каковы наши нормативные ориентиры. (Последнее замечание также служит ответом на вопрос, который мог бы кому-то прийти в голову: нельзя ли придерживаться всех перечисленных мною — и аналитических, и континентальных — нормативных ориентиров *одновременно*? Кажется, в той мере, в какой одни из них неизбежно будут вступать в конфликт с другими, так что нам придётся выстраивать приоритеты и предпочитать, например, яркость точности или обоснованность оригинальности, это близко к невозможному. Либо, если мы принимаем в качестве цели щательное и тонкое соблюдение баланса между всеми перечисленными ориентирами, то подобная нормативная эквилибристика будет создавать отдельную по сравнению с аналитической и континентальной философией нормативную ориентацию. Может быть, она-то и есть Святой Грааль философии.)

²⁶ Возможно, слово «ставить» здесь будет не самым уместным; как правило, речь не идёт о том, что мы эксплицитно формулируем для себя эти идеалы и рефлексивно, постоянно держа их в голове, придерживаемся их в своей работе.

²⁷ Мои обычные примеры в данном случае — это Майкл Даммит и Дональд Дэвидсон в начале их философских карьер.

Использование критики чужой философской работы как инструмента для выявления имплицитно разделяемых нормативных ориентиров оказывается особенно плодотворно, когда мы обращаемся к перекрёстной критике двух традиций: то есть когда мы смотрим на то, как континенталы критикуют аналитиков и как аналитики критикуют континенталов. Эта перекрёстная критика как раз хорошо указывает на то, что считается принципиально важным в той и другой традиции, отсутствие чего рассматривается как непростительное (ср. Ханова, 2025, 364–365). Классическая претензия из аналитического лагеря в адрес континентального выглядит примерно так: ваша «философия» представляет собой мутное, неясное, бездоказательное, художественное и метафорическое разглагольствование, с которым непонятно, почему и зачем кто бы то ни было должен соглашаться²⁸. Обратная классическая претензия континентально ориентированных философов в адрес аналитиков имеет примерно следующий вид: то, чем вы занимаетесь, — это скучная и пустая схоластика, интеллектуальное крохоборство, неинтересное, ничего не дающее ни уму, ни сердцу, абсолютно никак не воздействующее на мир, не нужное никому, кроме вас и вашего соседа рассуждение, которое канет в лету и умрёт в безвестности (напр., Джохадзе, 2016, 8–9; 2025, 147). Не менее характерен и следующий сюжет: аналитики обвиняют континенталов в том, что их тексты невразумительны, непоследовательны и произвольны; континенталы отвечают, что перед ними не стояло тех задач, которые им предписывают аналитики, что философия — это вообще про другое, например — про новое мышление, ухватывающее меняющийся мир (и строгость и доказательность у этого мышления тоже своя и новая)²⁹. Кажется, эта типичная критика и типичные ответы очень хорошо указывает на границы того основного разделения, через указание на которое я предлагаю определять *современную* АФ: разделения в вопросе о нормативных идеалах, которые считаются первостепенно значимыми в вопросе о том, как должна делаться хорошая философия.

§ 6.

В следующих двух разделах этого текста я попробую ответить на некоторые возражения против моей позиции: как на те, которые я лишь

²⁸ Она редко высказывается в таком виде на письме, но я многократно слышал её в личном общении.

²⁹ Из свежих примеров подобных перепалок на русском языке: характерные претензии аналитика (Анжель, 2024); характерный ответ континенталов («Почему новые реализмы важнее, чем кажется», 2024).

предвижу, так и на те, которые были действительно выдвинуты при её обсуждении с коллегами³⁰.

Я начну с того из них, которое касается одного из важных элементов списка нормативных ориентиров, через которые я определяю АФЗ, — ясности. Евгений Логинов в контексте обсуждения аналитико-континентального различия периодически замечает, что представление о ясности — в существенной степени дело тренировки и обучения. Человеку, воспитанному в одной традиции и читавшему одни тексты, будет ясен Хайдеггер, тогда как, например, текст Дэвида Чалмерса будет казаться ему совершенно неясным; для человека, получившего образование на материале совсем других книг и авторов, ситуация будет прямо обратной. А это значит, что границу между континентальной и аналитической философиами невозможно провести по такому весьма смутному критерию, как ясность: просто континентальные тексты ясны континентальным философам, а аналитические — аналитическим.

Я не намерен отрицать, что то, что именно кажется нам ясным или неясным — это во многом эффект нашего опыта, образования, культуры и т. п. Но я не думаю, что это по-настоящему релевантно для того, о чём говорю я.

Прежде всего, есть большая разница между ясностью и *стремлением* к ясности. Усилием и упражнением, как правило, можно натренировать свой взгляд таким образом, чтобы самые эзотерические тексты казались нам ясными. Но это не будет свидетельствовать о том, что писавший эти тексты стремился сделать их для кого-то ясными, прилагал для этого какие-то старания, считал это важным или релевантным элементом своей работы. Мой тезис в том, что, с точки зрения современных аналитических философов, нам следует пытаться сделать наши тексты насколько это возможно более ясными, и усилие по прояснению своей мысли — это важная часть философской работы. Это видно просто по тому, как современные аналитические философы организуют свои тексты, достаточно открыть несколько свежих монографий по философии, изданных в *Oxford University Press*. Как правило, мы увидим в них введения, довольно чётко объясняющие, зачем написана эта книга, какой вопрос в ней разбирается, что в ней может ожидать найти читатель, и к каким выводам приходит автор. Используемый автором язык будет по большей части минималистичен, насколько это возможно лишен сложных конструкций и фигуральных оборотов. Используемые в работе понятия будут довольно подробно объяснены, прежде чем будут

³⁰ Если не указано иное, упомянутые ниже возражения были выдвинуты при обсуждении выступления, лёгшего в основу этой статьи, на круглом столе «Что такое аналитическая философия?» (<https://www.youtube.com/watch?v=qCgCdNEfbjA&t=6732s>).

введены в употребление и ими начнут пользоваться. В конце глав нас будет ждать резюме, обращающее внимание читателя на то, что кажется автору наиболее важным в изложенном материале. Автор будет предпринимать отдельные усилия, чтобы предупредить неправильные интерпретации своей позиции («Сказанное не следует понимать в том смысле, что...»), и часто в попытке лучше объяснить, что он имеет в виду, будет в том числе подробно описывать позиции, похожие на обсуждаемую, и объяснять, в чём именно разница между ними и той, которая интересует его. Непростые для понимания места будут сопровождаться примерами, связь примеров с иллюстрируемой мыслью будет тщательно поясняться. И так далее, этот список можно продолжать ещё очень долго. Насколько я могу судить, в среде континентальных коллег не наблюдается аналогичного отношения к стремлению к ясности, а тексты, написанные в континентальной традиции, просто не устроены указанным образом и обычно не несут на себе атрибутов для решения задачи по активному прояснению текста для читателя: поймёт — хорошо; нет — что ж, такой читатель нам и не интересен³¹.

Это ведёт меня к следующему моменту, на который я хотел бы указать. Хотя ясность текста действительно не является вполне абсолютной характеристикой и варьируется в зависимости от глаза смотрящего, я не стал бы слишком преувеличивать её относительность. Возможно, континентальные тексты ясны людям, выросшим на континентальной традиции, но немаловажным обстоятельством будет то, что они, как правило, не ясны почти никому больше. Они неясны неподготовленному читателю без академического бэкграунда, чего, впрочем, следовало было бы ожидать, учитывая, что философия — это всё-таки в целом довольно изощрённая дискурсивная область, требующая подготовки и выработки навыка чтения текстов соответствующего типа. Что гораздо интереснее, они неясны представителям других академических дисциплин (за исключением, возможно, тех, частью курсрикулума которых служат континентальные тексты)³², что

³¹ Замечу, что описанный мной стандарт заботы о ясности происходящего для читателя характерен прежде всего именно для *современной АФ*, и в последние 50–60 лет в этом плане в ней, насколько я могу судить, произошёл потрясающий прогресс. Сегодня считается неприличным писать так, как писали (особенно ранние) Майкл Даммит или Дональд Дэвидсон. Возможно, в континентальной традиции за последние полвека тоже имел место какой-то существенный прогресс в плане ясности, который мне незамечен, поскольку я с ней хуже знаком. Те из современных континентальных классиков, с которыми я сталкивался, не создают у меня такого впечатления.

³² Ср. свидетельство Дерека Парфита о том, как он после учёбы в Оксфорде (где он ещё не изучал философию) на стажировке в Америке в качестве стипендиата программы Харкнеса «посетил лекцию <...> "континентального" философа, которая была

периодически порождает такие эффекты, как афера Сокала (Сокал & Брикмон, 2002), аналогов которым не наблюдается в случае АФ.

В существенной степени это именно следствие того, что континентальные философы, в отличие от аналитических, как правило, не склонны предпринимать целенаправленных попыток сделать свои тексты более ясными для читателя. И самому этому факту, мне кажется, не сложно предложить вполне правдоподобное объяснение, если обратить внимание на то, к какой ясности и зачем считается нужным стремиться в среде АФ. Идеал ясности, как и другие идеалы АФЗ (точность выражения, аргументированность, открытость к критике и т. д.), судя по всему, производны от цели наилучшей организации коллективного исследования. Поиск истины — задача, которую значительно больше шансов решить в сообществе, чем в одиночку. Чтобы организовать исследование в сообществе, нужно, помимо прочего, приложить усилия для того, чтобы быть понятым, быть понятым правильно, и быть понятым как можно более широким кругом потенциальных коллег, которые могли бы внести вклад в проверку и подтверждение или опровержение наших выводов. Именно это диктует стремление АФЗ к ясности, и именно в этом смысле эту ясность следует понимать (ср. Ryle, 1956, 3–4; Hare, 1972, 40 ff., особ. 43–44)³³. И именно поэтому, думаю, коллеги по академии из других областей исследования, как правило, кажется, склонны считать АФ более ясной: та значительная часть нормативных ориентиров, которыми она руководствуется, являются общими со значительной частью распространённых в других академических дисциплинах нормативных ориентиров в силу того простого факта, что они производны от понятной общей цели: наилучшей организации коллективного поиска истины.

Наконец, я не сомневаюсь, что при определённой тренировке и некоторой предрасположенности ясным можно сделать если не всё, то очень многое. Вопрос, однако, помимо прочего, в интенсивности этой тренировки, в том, насколько просто её пройти, и в том, насколько материал, на котором осуществляется эта тренировка, склонен

посвящена какой-то важной теме наподобие самоубийства или смысла жизни, но которая показалась мне чрезвычайно туманной (*obscure*). Я также посетил лекцию аналитического философа, которая была посвящена какому-то тривиальному вопросу, но которая была чрезвычайно ясной. Я помню, как я задумался, что вероятнее: изменение континентальных философов так, что они начнут обсуждать свои важные темы более ясно и аргументированно, или изменение аналитических философов так, что они станут применять свою ясность и логику к важным предметам. Я решил, что более вероятно второе и, думаю, был прав» (цит. по Edmonds, 2023, 67–68).

³³ В этом смысле я согласен с (Фролов, 2025, 251–255), когда он говорит, что многие черты АФ завязаны на стремлении к выяснению истинности тех или иных суждений, хотя его трактовка этой черты кажется мне слишком специфической и узкой.

содействовать пытающемуся приобрести навык, т. е. в целом в той дистанции, которая отделяет от ясности того, кто ей не обладает, но обладать хотел бы. А также в том, как та ясность, которая достигается в итоге, совмещается с достижением других элементов нормативной программы, пред назначенной для организации коллективного исследования: способствует ли она точности, аргументированности, обоснованности и т. п. Потому что в конечном счёте в перспективе АФЗ она, насколько я могу судить, является лишь звеном этого ряда, имеющим не слишком много ценности сама по себе, в отрыве от общего направления, в котором указывает эта совокупность нормативных ориентиров³⁴.

Несколько иначе высказывает претензию, касающуюся ясности как характеристики АФ, Глок. Приведя внушительный список апелляций аналитических философов к ясности как отделяющей их от своих континентальных коллег черте (Glock, 2008, 168–171), он замечает, что 1) аналитические философы часто неясны, 2) существуют пишущие весьма ясно континентальные философы, и вообще-то «внутри континентальной философии Гегель, Хайдеггер, Лакан, Делёз и Деррида скорее исключение, чем правило» (Glock, 2008, 173), и 3) в целом, неясно, что такое «ясность», к которой как к чему-то само собой разумеющемуся апеллируют аналитики. В том, что я говорю выше (в некоторых случаях ниже), имплицитно содержатся ответы на претензии Глока, но, поскольку его книга кажется мне одновременно важной и хорошей работой в контексте обсуждаемого вопроса, я проговорю их эксплицитно.

1) Говоря о неясности аналитических философов, Глок приводит два примера. Один из них — Витгенштейн. Я отложу обсуждение этой

³⁴ Выше (прим. 22) я говорил о том, что нормативные ориентиры АФЗ и современной континентальной философии невозможно успешно совместить, поскольку они систематически вступают в конфликт друг с другом. Но нельзя ли того же сказать о нормативных ориентирах *внутри* АФЗ? О некоторых явно можно: в частности, ясность вполне может вступать в конфликт с точностью или строгостью формулировок (взгляните на доисторическую бездну, разверзающуюся в глазах неподготовленного человека, который решил попробовать открыть (Сартар, 1961) или (Williamson, 2013)). Мне кажется, что задача наилучшей коллективной организации поиска истины как раз служит в данном случае тем регулятивным ядром, с помощью соотнесения с которым разрешаются конфликты нормативных ориентиров внутри АФЗ и отыскивается баланс требований. Важно, что и точность, и ясность важны и релевантны для самой этой задачи, тогда как нормативные ориентиры континентальной философии, описанные выше, в этом смысле в лучшем случае побочны. (Это заставляет также задаться вопросом: нет ли подобного регулятивного ядра в случае континентальной философии? Мне не приходит подходящего кандидата на эту роль, но, возможно, причина этого просто в том, что я слишком плохо знаком с этой традицией.)

фигуры до следующего раздела. Другой остроумный пример достоин того, чтобы воспроизвести его целиком.

Например, идея «когнитивной замкнутости» [Колина] Макгинна заключается просто в том, что некоторые феномены превосходят когнитивные способности таких существ, как мы. Но он объясняет её следующим образом: «Тип разума Р когнитивно замкнут по отношению к свойству С или теории Т, если и только если процедуры формирования понятий, находящиеся в распоряжении Р, не могут достичь схватывания С (или понимания Т)». Деннет замечает: «Не обманывайтесь видимостью строгости определения: автор А никогда не прибегает к его использованию И в каком-либо формальном выводе В» (Glock, 2008, 171–172).

Во-первых, это и правда очень смешно (Деннету вообще часто удаются остроты). Но, во-вторых, кажется, нeliшним будет задаться вопросом о том, почему Макгинн (и далеко не только он один) прибегает к подобным режущим глаз Глока способам выражения. Кажется, что причина этого именно в том, что он стремится донести до читателя свою мысль как можно более ясно и точно. Очень возможно, что представления Макгинна о том, что именно нужно делать для того, чтобы его текст был более понятен для читателя, ошибочны, и его попытки сделать его прозрачным наоборот приводят к его затуманиванию³⁵. Но трудно усомниться, что сам способ выражения выбран для достижения именно указанных целей. То, что кажется Глоку запутывающим и нагоняющим мрака, является результатом именно преследования нормативных идеалов АФЗ.

2) Утверждение о том, что континентальные философы обычно яснее, чем те, кто приходит нам в голову при словосочетании «континентальная философия» в первую очередь, возможно, верно, а возможно, и нет. В любом случае я не хотел бы его оспаривать и готов принять как истинное. Но вопрос вновь не в том, есть ли в континентальной философии авторы более ясные, чем очень туманные; он в том,

³⁵ Мне, впрочем, так не кажется. Можно вместе с Деннетом обвинять Макгинна в том, что его способ выражения избыточен (это тоже не вполне верно: он пользуется введёнными сокращениями далее, и это делает текст чуть более обозримым), но вот уж чего он не делает, так это не напускает тумана. Глок также лукавит, подразумевая, что Макгинн выражается вычурно там, где мог бы выразиться проще и яснее: если посмотреть на отрывок текста, из которого взята цитата, Макгинн выражается *и* процитированным образом, *и* (затем) более просто и разговорно.

является ли ясность для этой традиции принципиальной целью и ценностью. Сам факт существования в этой традиции перечисленных Глоком фигур, которые считаются для неё огромными величинами (и ведь список фигур, не отличающихся от перечисленных по ясности в лучшую сторону, можно без труда продолжить), кажется, свидетельствует о том, что нет. Безусловно, в этой традиции могут писать в том числе авторы, тексты которых весьма ясны и прозрачны: напомню, я не утверждал, что ясность в континентальной философии сама по себе считается злом и чем-то, чего следует избегать. Но сравнивать надо всё же не «Лакана, Делёза и Деррида» с остальной континентальной традицией, а континентальную философию в среднем с аналитической философией в среднем же; и при этом сравнении важно обращать внимание даже не столько на актуальную ясность (хотя у меня мало сомнений в том, что нам такое сравнение покажет в этом аспекте), сколько на черты текста, свидетельствующие о попытках такой ясности достичь (пояснения, сравнения, попытки предупредить непонимание и т. д. — см. начало этого параграфа)³⁶.

3) Вопрос о том, о какой ясности речь, безусловно, нуждается в более тщательном прояснении сам, но мне кажется, что выше я сделал достаточно для того, чтобы сориентировать читателя в том, о чём я говорю, когда обсуждаю ясность. Коротко говоря, стремление к ясности в подразумеваемом мной смысле — это стремление к тому, чтобы как можно лучше донести свою мысль до читателя: убрать препятствия на пути к её правильному пониманию и предупредить её понимание неправильное³⁷. Средства и методы достижения этой цели могут быть

³⁶ Диана Эдиковна Гаспарян предположила, что континентальные философы также стремятся к ясности, просто те предметы, которые они пытаются обсуждать, в отличие от предметов, которые выбирают для обсуждения аналитические философы, такой ясности, к которой стремится АФЗ, сопротивляются. Похожую мысль в своей статье в этом выпуске «Analytica» высказывает Константин Фролов (Фролов, 2025, 255–258). Я должен признаться, что эта мысль не кажется мне убедительной. Во-первых, то, о чём говорят аналитические философы, — это тоже нечто сложное и сопротивляющееся ясности (то, о чём говорят философы в принципе обычно таково); ощущение, что это нечто более ясное и нечто, о чём ясно говорить проще, мне кажется, является эффектом того, что хорошие философы на протяжении многих веков предпринимали целенаправленные попытки найти способы говорить об этом яснее и во многом в этих попытках преуспели. Что возвращает меня к тому, что, во-вторых, крайне неподобающе, чтобы континентальные философы подобные попытки прояснения своей мысли для читателя систематически предпринимали: даже если то, о чём мы говорим, сложно, темно и туманно, нам следует искать в этом тумане наибольшей возможной ясности, и тексты континентальных философов даже просто на уровне элементарных текстуальных атрибутов, как правило, не создают у меня впечатления, что они озабочены подобной задачей.

³⁷ Диана Гаспарян также высказала мысль, что у континентальных философов может быть другая ясность, чем у аналитических, не в том смысле, в каком об этом

различны, но конечное соображение, лежащее за мыслью о необходимости достижения ясности, насколько я могу судить, заключается в следующем: в деле коллективного поиска истины очень важно, чтобы как можно большее число тех, кто может способствовать оценке твоего вклада в это дело, правильно понимали сказанное тобой³⁸.

§ 7.

В идеале столь же подробно, как обсудил выше ясность как нормативный ориентир АФ, я должен был бы обсудить и все прочие перечисленные мной идеалы как аналитической, так и континентальной философии. Но форматные соображения не позволяют мне этого сделать: иначе говоря, у меня на это здесь просто не хватит места. Поэтому я перехожу к другим важным сюжетам, которые необходимо обсудить в связи с выдвинутыми мной выше тезисами.

Есть ещё одно возражение, которое я хотел бы упредить. Я называю его возражением «от Витгенштейна». Возражение от Витгенштейна заключается в том, что Витгенштейн явно аналитический философ, но при этом, судя по всему, он оказывается за бортом АФ, понятой как АФ3. Кажется, что его нормативная ориентация совсем другая: серьёзные проблемы со стремлением к точности и ясности, мало аргументированности (особенно у раннего Витгенштейна), пророческий тон, почти полное отсутствие ориентированности на работу с сообществом и открытости к критике и рациональной дискуссии (ср.

говорит Логинов (причитанность к определённого рода текстам), а в смысле другого типа ясности, связанного с интересом к другого рода предметам, чем те, что интересуют аналитических философов. Я не буду погружаться в объяснение и обсуждение этого тезиса, не в последнюю очередь потому, что я не слишком понимаю, о каком именно другом типе ясности идёт речь и, соответственно, будет ли удачной затеей называть то, о чём речь идёт, типом ясности. Но для простоты я готов признать, что может существовать какой-то другой тип ясности или же нечто другое, что ясностью можно было бы называть (как и в случае выражения «АФ» ни у кого нет трейдмарка на слова, и нас должны интересовать не сами выражения, а то, что за ними скрывается), и допустить, что континентальная философия к такой ясности-2 стремится, а аналитическая — нет. Это не вступает ни в какое трение с моим тезисом, что ясность-1 — та ясность, которую я попытался чуть лучше описать в основном тексте этого параграфа, — является важным нормативным идеалом аналитической философии и не является таковым для философии континентальной.

³⁸ Мария Локосова заметила, что отечественные аналитические философы не создают у неё ощущения дружелюбности к читателю или слушателю со стороны и настроенности на объяснение для него своей мысли. Во многом она, боюсь, к сожалению, права. Я склонен связывать это прежде всего с материальными реалиями существования отечественной философии, загнанной в формат журнальной статьи размером в 40 тысяч знаков — изобретения, чуждого для качественных зарубежных периодических изданий. В условиях таких ограничений с текста приходится часто срезать всё, что можно, включая то, что делало бы его более доступным для кого-то, кроме коллег-специалистов.

Glock, 2008, 176). Суммировать эти соображения можно как своеобразный *modus tollens*: если ваше понятие такое, что Витгенштейн из него выпадает, а Витгенштейн — это эталонный аналитический философ, то ваше понятие АФ должно быть неправильным (ср. Preston, 2007, 45).

Кажется, что на это возражение есть разумный и понятный ответ. Я предвижу, что этот ответ многим не понравится. И всё же вот он: Витгенштейн — это *не* аналитический философ. Следует немедленно добавить: в смысле АФ3, то есть в том смысле, в каком мы называем аналитическими философами современных представителей аналитической традиции. В другом смыслах — в смысле АФ1 и уж тем более в смысле АФ2, он, безусловно, он является аналитическим философом. Но не в смысле своей нормативной ориентации, не в том смысле, в каком, сталкиваясь с текстами современных философов, мы интуитивно классифицируем их как принадлежащих к аналитической традиции³⁹.

Я понимаю, что многие люди не готовы мириться с тем, что Витгенштейн не аналитический философ в каком бы то ни было смысле, и хотели бы настаивать, что Витгенштейн непременно должен быть аналитическим философом согласно любому приемлемому понятию АФ. Если они не предлагают нам просто поверить им в этом вопросе на

³⁹ С тем, что Витгенштейн не является аналитическим философом, согласен, например, Рей Монк (Monk, 1996, 12 ff.), которого нельзя обвинить в незнакомстве как с ранней АФ в целом, так и с Витгенштейном в частности (Монк, 2021). Сомневается в том, что Витгенштейна можно называть аналитическим философом, и столь близкий к нему человек, как Георг фон Вригт (фон Вригт, 2013а, 84). Следует признать, что в обоих случаях эксплицитно указанные причины для этого сомнения иные, чем у меня. Например, Монк вычёркивает Витгенштейна из числа аналитиков (помещая туда, однако, Мейнинга и Гуссерля) на том основании, что Витгенштейн не верил в анализ как в метод. Но когда дело доходит до иллюстраций той пропасти, которая лежит между Расселом как эталонным, с точки зрения Монка, аналитическим философом и Витгенштейном как философом вовсе не аналитическим, Монк в результате апеллирует вовсе не к анализу, а именно к их различным представлениям о том, какой может и должна быть хорошая философия: в частности, к полной незаинтересованности Витгенштейна в «научной философии» (Monk, 1996, 18 ff.). Ближе к того рода скепсису, который формулирую я, находится Фёллес达尔, который, определяя аналитическую философию через сосредоточенность на аргументации и обосновании, выражает сомнение в том, что Витгенштейн — аналитический философ, и, чтобы вернуть его в число таковых, оказывается вынужден дать очень расширительную трактовку этих двух явлений (Føllesdal, 1997, 9–12). Сомнение в том, что Витгенштейн — аналитический философ, столь часто высказывают даже те историки АФ, которые в конечном счёте эту мысль отбрасывают, что из-за одного этого нам стоило бы заподозрить, что за этой мыслью что-то есть. В ту же сторону указывают оговорки, подобные замечанию Глока: «Тот факт, что подобное определение [АФ — A. Ю.] исключило бы экзотические случаи вроде Витгенштейна, возможно, можностерпеть. Но тот факт, что оно также исключило бы Мура, Райла и Стросона, должно считаться решающим возражением против него» (Glock, 2008, 18).

слово (от чего я позволил бы себе вежливо отказаться), то им, вероятно, следует прибегнуть к каким-то аргументам в пользу этой позиции.

Лично мне приходит в голову только три возможных типа аргументов в пользу того, что Витгенштейн должен быть аналитическим философом. Первый заключается в том, что он стоит у истоков самой этой традиции, он один из традиционных отцов-основателей АФ⁴⁰. Второй аргумент состоит в указании на важность фигуры Витгенштейна для аналитической традиции, не исключая и современную: его идеи в ней весьма влиятельны и чрезвычайно много обсуждаются. Наконец, третий аргумент схож со вторым: в АФ до сих пор есть фигуры, которые прямо называют себя витгенштейнианцами и являются последователями этого австрийского философа⁴¹.

Мне кажется, что все эти три аргумента совсем не сложно ответить. Очень простым, но в то же время весьма эффективным ответом одновременно на последние два служит указание на тот факт, что существуют такие философы, как Кант, Юм и Аристотель, которые а) много обсуждаются в современной аналитической традиции, и идеи которых оказали на неё немалое влияние, а также б) имеют в рамках современной аналитической традиции последователей, которые эксплицитно называют себя кантианцами⁴², юмианцами⁴³ или аристотеликами⁴⁴. Однако очень мало кто готов будет согласиться с тем, что Кант, Юм и Аристотель — аналитические философы⁴⁵. В современной АФ обсуждаются все: и Гегель (см., напр., Джохадзе, 2021, а также № 2 «Логоса» за 2023 г., посвящённый аналитическим прочтениям Гегеля почти полностью), и Хайдеггер (см., напр., Casati, 2021), и Ницше (см., напр., Parfit, 2011, chap. 35), и кто угодно другой. Сам факт обсуждения и влияния

⁴⁰ См. выше § 3.

⁴¹ Ср. с тем, как обосновывает тезис о том, что Витгенштейн является аналитическим философом, Глок (Glock, 2004).

⁴² Кристин Корсаагрд, Онора О'Нил и т. д.

⁴³ Саймон Блэкберн, Хелен Биби и т. д.

⁴⁴ Майкл Лакс, Роберт Кунс и т. д.

⁴⁵ Однако см. «ревизионистскую» позицию Владимира Кирилловича Шохина, который причисляет к АФ в т. ч. Сократа и индийские даршаны (Шохин, 2013, 2015, 2018, 2024). Впрочем, Шохин должен был бы согласиться, что Витгенштейн не является аналитическим философом на других основаниях: согласно ему, аналитической философии делает не набор доктрин, а тип практики, а Витгенштейн из того типа практики, которая конституирует АФ (аргументативной, рациональной, ориентированной на дискуссию), кажется, явно выбивается. Шохин является самым заметным из русскоязычных ревизионистов, но этот взгляд имеет определённую поддержку и в зарубежном сообществе: см., напр., (Pap, 1949, vii–viii; Føllesdal 1997, 14). Я знаю, что Евгений Логинов когда-то классифицировал как «умеренного ревизиониста» и меня самого; у него были для этого основания, но равно и у меня есть основания от этого почетного титула отказываться (см. ниже § 8).

философа на современную аналитическую традицию, даже если это обсуждение широкое, а влияние значительное, не означает, что он является аналитическим философом. Этого перехода нельзя сделать в случае других фигур, и поэтому он явно некорректен и в случае Витгенштейна⁴⁶.

Оставшийся аргумент говорит, что Витгенштейн должен считаться аналитическим философом, потому что он стоит у истоков аналитической традиции. Оценка этого аргумента зависит от того, как мы понимаем в выражении «Витгенштейн стоит у истоков АФ» выражение «АФ». В соответствии со смыслами АФ1, АФ2 или АФ3, это утверждение будет либо (1) верным, но нерелевантным, либо (2) верным, но бессодержательным, либо (3) неверным.

(1) Если мы понимаем это выражение в смысле АФ1, то есть в доктринальном смысле, то это утверждение будет, вероятно, верным, но нерелевантным в контексте разговора о том, что такая современная АФ, а мы говорим именно о ней.

(3) Если мы понимаем это выражение в смысле АФ3, то есть в нормативном смысле, то, как уже было отмечено выше, оно будет неверным, поскольку неподходящим, чтобы нормативные ориентиры Витгенштейна совпадали с таковыми современной аналитической традиции.

(2) Если мы понимаем это выражение в смысле АФ2, то есть в генеалогическом смысле, то это будет хотя и верный, но тривиально верный тезис. Мы просто так определили понятие АФ2, что Витгенштейн оказался среди указанных нами отцов-основателей аналитической традиции. И, строго говоря, наше указание на те фигуры, которые мы идентифицировали как отцов-основателей, было достаточно произвольным. Мы не объяснили, почему, собственно, мы выбрали этих философов, а не каких-то других. Если же, столкнувшись с подобным вопросом, мы попытаемся объяснить, почему мы именно таким образом идентифицировали отцов-аналитиков, то мы будем вынуждены объяснить свой выбор на эту роль фигур Фреге, Рассела, Мура и Витгенштейна либо через их связь с понятием АФ1, понятием доктринальной определенности исторической АФ (и тогда это будет нерелевантно), либо через их связь с понятием АФ3, нормативным

⁴⁶ Относительно феномена «витгенштейнианцев» возможен и менее учтивый аргумент: среди всех современных философов, которых в том или ином виде относят к аналитической традиции, нет авторов интуитивно менее похожих на аналитических философов, чем те, кто называют себя витгенштейнианцами. У меня есть подозрение (которое я, впрочем, не могу подтвердить никакими релевантными статистическими данными), что предложенный в § 3 слепой тест на угадывание принадлежности автора к традиции, будет давать сбой в случае витгенштейнианцев чаще, чем в любом другом.

понятием современной АФ (и тогда это будет неверным в случае Витгенштейна)⁴⁷.

Следует заметить, что Витгенштейн не может считаться фигурой, стоящей «у истоков АФ» в смысле АФ3, не только потому, что сам он не соответствует и, судя по всему, не стремится соответствовать⁴⁸ тем

⁴⁷ Строго говоря, возможно, что мы сможем объяснить наш выбор каким-то другим образом. Необходимым условием этого объяснения, однако, должна быть его релевантная и содержательная связь с каким-то из содержательных понятий АФ: т. е. наше объяснение должно показывать, что отцами-основателями АФ в смысле АФ2 уместно считать именно эти фигуры, потому что они *действительно являются* аналитическими философами (и притом самыми ранними) в каком-то смысле, отличном от АФ4. Тот факт, что я сам говорил в начале этой статьи, что не претендую на то, что множество смыслов выражения «АФ» исчерпывается теми тремя, которые я здесь выделяю, оставляет возможность того, что подобное объяснение могло бы апеллировать к какому-то гипотетическому понятию АФ4. Чтобы такая апелляция была успешной, понятие АФ4 должно содержательно объединять Витгенштейна либо со всей аналитической традицией, которую экстенсионально очерчивает АФ2, либо по крайней мере со всей современной АФ. Я не вижу подходящего понятия на роль АФ4, но буду рад рассмотреть кандидатов на его роль, если мне на них укажут.

⁴⁸ Антон Кузнецов и Евгений Логинов в личной беседе усомнились в том, что Витгенштейн не стремился соответствовать нормативным ориентирам АФ3. Их аргументация содержит два шага. Во-первых, я сам утверждаю, что стремление соответствовать нормативным ориентирам нельзя уравнивать с успехом в реализации этого стремления: некоторые философы пытаются писать ясно, аргументировано и т. п., но у них просто не получается. Если так, то тот факт, что Витгенштейн не демонстрирует добродетелей АФ3, не может быть так просто использован для того, чтобы сделать вывод, что он не является аналитическим философом: возможно, он стремится к этим идеалам, но не преуспевает в их достижении. Значит, во-вторых, смотреть следует не на реализацию тех или иных добродетелей в текстах, а на декларацию намерений. И здесь можно обратить внимание, например, на то, что во введении к «Логико-философскому трактату» Витгенштейн заявляет: «Весь смысл книги можно приблизительно выразить в следующих словах — то, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно, а о чём невозможно говорить, о том следует молчать» (Витгенштейн, 2008, Предисловие автора). Сюда же можно добавить афоризмы вроде 4.112, где сказано, что задача философии — прояснение наших мыслей, которые в противном случае оставались бы туманными. Всё это вполне можно рассматривать как стремление к важному для АФ3 идеалу ясности.

Мой ответ заключается в том, что декларирование какой-то позиции не является само по себе хорошим маркером того, что декларирующий её придерживается (ср. (Glock, 2008, р. 16), где в контексте обсуждения ненадёжности самоописаний Глок замечает, что Дerrida описывал себя как аналитического философа, а Фодор эксплицитно отказывался так себя называть). Можно спросить меня: но что же является таким маркером, если не прямая декларация автора? Мне кажется, наиболее надёжным маркером в данном случае будут обнаруживающиеся в самом тексте непосредственные следы попыток сделать его яснее — нечто вроде попыток пояснения, указания на свой замысел, предупреждения непонимания и т. п.: см. § 6. Я не обнаруживаю таких попыток при чтении текстов Витгенштейна. Впрочем, возможно, я просто недостаточно внимателен.

Другой важный момент, на который я вновь хотел бы обратить внимание, — это то, что приверженность *лишь одному* из списка нормативных ориентиров АФ3, в отсутствие приверженности критической массе прочих ориентиров из этого списка, едва

нормативным идеалам, которые задают собой содержание АФЗ. Дело также в том, что если мы посмотрим на академическую культуру вокруг Витгенштейна (а также вокруг Рассела и Мура) во время, которое обычно считают временем зарождения АФ, то мы обнаружим массу людей, которые соответствуют этим нормативным идеалам не только лучше Витгенштейна, но и также ничуть не хуже Рассела или Мура. В конце концов, мы все согласны, что ни Мур, ни Рассел, ни тем более Витгенштейн не были теми, кто придумал делать философскую работу, стремясь к обоснованности, точности, ясности и т. д. В смысле нормативной ориентации в их окружении не произошло никакой революции, когда они подняли своё восстание против идеализма. Генри Сиджвик в смысле АФЗ, например, является куда более эталонным аналитическим философом не только по сравнению с Витгенштейном, но и, я полагаю, также и по сравнению с Муром⁴⁹.

§ 8.

Какой из всего сказанного можно сделать вывод? Я бы остановился прежде всего на следующем: понятие, с помощью которого мы определяем современную АФ, которое я предлагал обозначать как АФЗ — это понятие, которое фактически отлично и которое следует не

ли может сделать кого-то аналитическим философом. Если я выражаясь точно и ясно, высказывая безосновательные интересности, едва ли аналитики сочтут меня своим. Таким образом, даже если Витгенштейн на самом деле стремился к ясности, одно это не делает его аналитическим философом. Защитник Витгенштейна мог бы здесь сказать, что, возможно, Витгенштейн стремился и к остальным ориентирам АФЗ, даже если ему не удавалось их вполне достичь. У меня нет возможности подробно обсуждать эту мысль; позволю себе ограничиться указанием на то, что я вновь не вижу оснований считать, что это так.

⁴⁹ Помимо возражения «от Витгенштейна», Евгений Логинов и Андрей Мерцалов в личной беседе выдвинули возражение «от Деннета». Его структура в целом аналогична: Деннет — явно аналитический философ, но он не вписывается в рамки АФЗ; следовательно, АФЗ не является адекватным понятием современной АФ. В данном случае мой ответ в том, что я не согласен, что Деннет не вписывается в рамки АФЗ. Деннет «Объясняющего сознания» (Деннет, 2024) или «Куайнирования квала» (Dennett, 1988) в смысле нормативной ориентации вполне похож на аналитического философа в смысле АФЗ, пусть, возможно, и несколько экстравагантного. И *кроме этого* у Деннета просто есть работы, написанные в другом жанре: где-то на стыке философии, литературы и эссеистики. Самое интересное, что, насколько я понимаю, их не так много (это прежде всего эссе «Где Я?» и редакторские «размышления» в «Глазе разума» (Деннетт и Хофтадтер, 2003)); дело лишь в том, что они очень яркие. Едва ли наличие этой другой, несколько озорной стороны у Деннета может свидетельствовать о том, что он по своей нормативной ориентации чем-то отличается от других аналитических философов. В конце концов, мы с авторами возражения «от Деннета» тоже замечены в написании текстов в несколько экстравагантном жанре (см. (Логинов, Мерцалов, Юнусов и др. 2017; 2019; Логинов, Мерцалов, Юнусов & Гаврилов, 2020)), но едва ли это факт что-то говорит о том, что мы думаем о том, какой должна быть хорошая философия.

забывать отличать от того понятия, с помощью которого мы указываем на историческую АФ, которое я, в свою очередь, обозначал как АФ1. Это просто «АФ» в двух *разных* смыслах. Эти смыслы не следует смешивать, вопреки нашему постоянному искущению это сделать.

Свежий пример этого типичного искушения даёт недавно переведённый на русский хэндбук по аналитической метафизике Майкла Лакса и Томаса Криспа. В предисловии к русскому изданию Лакс, объясняя, что такое аналитическая метафизика, пишет, что аналитические подходы в метафизике

стилистически ближе к работам Бертрана Рассела и Дж. Э. Мура, которые концентрировались на исследовании строго определённых философских проблем, уделяя при этом особое внимание логической строгости и концептуальной отчётливости, чем таких мыслителей, как Ф. Г. Брэдли, Джосая Ройс и Дж. М. Э. Мак-Тагgart, выстраивавших масштабные спекулятивные системы, зачастую описываемые в выражениях невразумительных и туманных... (Лакс & Крисп, 2024, 10).

Никто не вынуждает Лакса совмещать здесь исторический элемент — Мур, Рассел, Мак-Тагgart, Брэдли — с содержательным элементом — отдельные проблемы и масштабные системы, туманность и ясность и т. д. Эти два элемента вполне *можно* было бы отделить друг от друга. И я уверен, что их *следует* отделить друг от друга, потому что только в таком случае мы получим консистентное понятие АФ, или, точнее, два таких консистентных понятия⁵⁰. Одно (АФ1) будет относиться к исторической АФ, а другое (АФ3) — к современной. И оба будут очерчивать интуитивно правильный (но каждое свой) круг философов в соответствии с интуитивно приемлемыми (но каждое своими)

⁵⁰ Характерно, что в том же введении Лакс и Крисп, говоря об АФ, упоминают в числе её ранних адептов Рассела, Мура и *Витгенштейна*, но как только речь заходит о том, чтобы объяснить, что аналитическая философия такое и чем она отличается от философии не-аналитической, Витгенштейн оказывается молчаливо опущен, и даётся та характеристика, которую я привожу выше в основном тексте. При этом Витгенштейн исчезает из числа аналитиков только на длину того отрезка текста, где авторы пытаются очертить существо АФ; за пять строк до этого (с. 10) и в первом же абзаце после решения этой задачи (с. 11) Витгенштейн уверенно фигурирует в числе ранних аналитиков. Я склонен видеть в этом лишнее свидетельство того, что историческая характеристика особенно воопиющее не согласуется с теоретической (нормативной) в случае Витгенштейна. В действительности, она оказывается излишней и в случае Рассела и Мура, но за инерцией традиции, настойчиво повторяющей, что АФ — это Мур, Рассел и т. д., заметить это значительно сложнее.

критериями. Свообразным опосредующим элементом между ними, обеспечивающим генетическую преемственность от «старой» АФ к «новой», будет АФ2. «АФ» в ходе институционального транзита и развития на протяжении более чем века действительно превратилась из АФ1 в АФ3. Это нормально: употребительные понятия языка со временем меняют своё содержание, особенно если оно никогда не было чётко зафиксировано. И вполне естественно, что современное содержание понятия АФ не равно тому, которым оно было почти сто лет назад.

Я полагаю, что в целом очень хорошей идеей было бы не увязывать понятие современной АФ с каким бы то ни было историческим элементом. Не нужно опрокидывать его в историю на 2500 лет назад, чтобы Аристотель был аналитическим философом. Не нужно опрокидывать его на 300 лет назад, чтобы Юм был аналитическим философом. И не нужно его опрокидывать на 100 лет назад, чтобы Мур, Рассел и Витгенштейн были аналитическими философами в том смысле, в каком мы называем аналитическими философами, работающих сегодня⁵¹. (Рассел, Мур и Витгенштейн, безусловно, являются аналитическими

⁵¹ Я не утверждаю, что ретроспективное приложение понятия АФ3 к философам прошлого невозможно. Я лишь хочу указать на две вещи. Первое: исторический элемент (привязывающий это понятие к определённым фигурам) не является важным или существенным элементом того понятия АФ, которое мы употребляем для характеристики современных аналитических философов: его можно исключить, и это исключение сделает соответствующее понятие более консистентным. Второе: применение этого понятия к фигурам прошлого эвристически неразумно. Наиболее осмыслившим и полезным является его использование сегодня и для сегодняшних нужд. Сегодня мы прежде всего употребляем его не для того, чтобы понять, был Аристотель или Юм аналитическим философом или нет, а для того, чтобы провести демаркацию в современной философии: отличить аналитических философов от континентальных или каких-либо других.

Другой разумный вопрос, который можно мне адресовать в свете моей позиции, состоит в том, где именно начинается та «современность», за границы которой я рекомендую не простираять понятие «АФ». Как я уже замечал выше, я не думаю, что у современности в этом смысле есть чёткая граница; в существенной степени это pragматический вопрос. Навскидку я бы говорил прежде всего о последних 20–40 годах как о «современной» философии, хотя для каких-то целей можно как продолжать современность дальше в прошлое, так и схлопывать её почти до текущего момента. Как бы то ни было, мне не кажется продуктивным обсуждение «аналитической» философии несколько веков назад, в ситуации, когда в это же время трудно найти какое-то соответствие другому члену нашей основной оппозиции — континентальной философии. В этом смысле мне близка позиция Вадима Валерьевича Васильева, который давно говорит (Васильев, 2019, 148 ff.; см. Грязнов, 1996, 40; Макеева, 2013, 64; Гаспаров 2025, разд. 2), что АФ — это продолжательница классической философии. Одним из короллариев такого тезиса будет то, что не стоит утверждать, что классическая философия — это тоже АФ. Если и устанавливать какое-то их соотношение, то лучше, кажется, действительно говорить об отношении преемственности или наследования.

Я благодарю Тараса Тарасенко за его вопросы, которые побудили меня уточнить эти моменты своей позиции.

философами, но в другом смысле, в смысле АФ1.) Отдельно замечу, что этот тезис кажется мне верным вне зависимости от того, принимаем ли мы утверждение, что понятие, с помощью которого следует определить современную АФ, — это нормативное понятие аналитической философии, моё АФ3. Возможно, очертить содержательную определённость современной АФ можно какими-то другими способами, не так, как это сделал я. Но даже если это можно сделать иначе, то тезис о том, что надо отделять историческое понятие АФ от современного, останется верным и важным. Мы запутываем сами себя, когда пытаемся свести в одно понятие и историческую часть, и содержательную, поскольку это с неизбежностью приводит нас к тому, что две части этого понятия характеризуют одних и тех же философов противоположным образом: одна — как принадлежащих, другая — как не принадлежащих к аналитической традиции. У нас нет хороших причин продолжать использовать такое сдвоенное понятие, и есть хорошие причины от этого отказаться.

§ 9.

Последнее, на чём я хотел бы остановиться, — это вновь возражение, которое я предвижу, но уже не в чрезмерной узости понятия АФ3, предложенного мной для характеристики современной АФ, а, напротив, в его излишней широте. Естественный упрёк, который могли бы предъявить многие из моих коллег такому человеку, как я, после того, как он предложил такое понятие АФ, как АФ3, заключается примерно в следующем: у вас получается, что АФ — это любая хорошая философия, философия, которая стремится к хорошим и правильным вещам, способствующим наилучшему достижению истины и т. п. Мы к этим вещам тоже стремимся, но мы не считаем себя аналитическими философами и не готовы называть себя подобным образом. Определяя современную АФ с помощью апелляции к АФ3, вы делаете экспансионистский ход: вы пытаетесь, фактически, проглотить нас, а мы к вам в рот идти не согласны⁵².

⁵² Похожие возражения, правда, изнутри аналитического лагеря высказывает Глок (Glock, 2008, 205–212); на стр. 206 он также приводит подборку высказываний аналитических философов, которые и правда повинны в сплошном отождествлении АФ с хорошей философией. Ср. также претензии Престона (Preston, 2007, 9–25). Основные возражения Престона против такого отождествления, впрочем, заключаются в том, что, во-первых, набор того, что делает философию хорошей у аналитиков, не определён, а во-вторых, этот набор является неправильным и неполным (поскольку хорошая («традиционная») философия всегда ориентирована не только на истину, но и на счастье, или процветание («эвдемонию»), а АФ, зацикленная на логике и познании, высокомерно отмахивается от любых вопросов, составляющих подлинный жизненный интерес: морали, свободы воли, тождества личности и т. д.). Последняя претензия является очевидно

Это разумный упрёк, и он нуждается в ответе. Но кажется, что человек, который высказывает такой упрёк, делает в некотором смысле саморазоблачающий ход. Он заранее принимает, что верными нормативными ориентирами философии являются те, что задают понятие АФЗ. Но это всё-таки не предрешённый вопрос. Есть многие люди, которые не считают, что философия должна быть прежде всего такой. Есть по крайней мере одна важная традиция в современной мысли, в рамках которой люди не считают, что аргументы — это так уж интересно, что ясность и чёткость — это то, чего мы должны добиваться в первую очередь, и т. п. И, может быть, правы именно они, а не мы! Если вы говорите, что у аналитиков получается, что любая хорошая философия будет АФ, то вы имплицитно признаёте тот набор нормативных ориентиров, которые конституируют именно АФЗ⁵³. Если так, то

ложной в части фактов (причём сразу в двух отношениях: современная АФ увлечённо занимается *всеми* темами, в небрежении к которым её обвиняет Престон; кроме того, «традиционная» философия вовсе не всегда строилась вокруг понятия «эвдемонии»: см. Оккама, Декарта, Локка и т. д.) и далёкой от самоочевидности в плане нормативной оценки. Первая претензия также не имеет под собой основы в той мере, в которой список нормативных ориентиров АФ нетрудно описать хотя бы в том виде, в каком я сделал это выше. Кроме того, трудно не заметить, что, как это часто бывает у Престона, его первое обвинение противоречит второму: мнение аналитиков по поводу того, что именно считается хорошей философией, может чисто теоретически быть либо отсутствующим, либо неправильным, но не тем и другим вместе.

⁵³ Эта линия рассуждения также служит ответом на критику Глока (Glock, 2008, 210–211), который утверждает, что определение АФ через её связь с такими вещами, как опора на аргументацию, стремление к обоснованности и общая рациональность (то, что он называет «рационалистической концепцией»), и то, что является существенной частью моего понятия АФЗ), во-первых, неинтересно и неинформативно, потому что с этими вещами связана *любая* хорошая философия, а во-вторых, интеллектуально небезопасно, поскольку приводит к тому, что решать, что такое хорошая философия, будут сами аналитические философы. Оба возражения блокируются (помимо прочего; см. ниже в основном тексте) указанием на то, что речь идёт о вполне дескриптивном описании нормативных представлений: об описании того, что люди в одной традиции думают о том, что такое хорошая философия, при том, что есть как минимум одна другая традиция с отличными представлениями на этот счёт (в этом смысле моё нормативное понятие АФЗ в действительности является, строго говоря, дескриптивным: оно лишь описывает представления о нормах, присущие определённым группам и сообществам). Проблема Глока, насколько я могу судить, в том, что при всей широте своих взглядов он относится к Хайдеггеру, Деррида, Лакану, Делёзу и т. д. — т. е. именно к тем фигурам, которые являются характерными представителями того, что я называю «континентальной философией» (собственное употребление Глока в случае этого выражения шире моего), — с плохо скрываемым презрением и не позволяет себе даже мысли о том, что, согласно каким-то иным представлениям, они тоже могут считаться «хорошей философией». Т. е. Глок проваливается именно в ту ловушку, от которой он предостерегает, указывая на опасность слишком аналитического взгляда на то, что такое хорошая философия. Это особенно интересно в свете того, что Глок *признаёт*, что «рационалистическая концепция» не обязательно подразумевает сведение любой хорошей философии к аналитической, поскольку возможны и другие, не упомянутые в

расхождение, которое возникает у нас с вами далее, кажется, является чисто номенклатурным. Возможно, вам не хочется называть философию в том стиле и ключе, относительно которого мы с вами в содержательном смысле сходимся, «аналитической». И, возможно, вам самому не хочется называться аналитическим философом. Может быть, вас смущает прошлое аналитической философии — связь выражения «АФ» с понятием АФ1 и ассоциированными с ним доктринаами — или вы недовольны колониальными замашками современной АФ, которая хочет поглотить в себя любую хорошую философию. Всё это можно понять.

Действительно, сама формулировка «аналитическая философия» едва ли может считаться информативной и хорошо подобранной. К сегодняшнему дню «аналитическая» в словосочетании «аналитическая философия» уже в общем-то ничего не значит⁵⁴. Аналитическая философия уже давно никаким особым, неотъемлемым и необходимым образом не связана на анализе. Просто так сложилось, что сегодня для обозначения философии, имеющей вот такие нормативные ориентиры, используется слово «аналитическая», а для философии, имеющей другой набор этих ориентиров, используется слово «континентальная» (также совершенно неинформационное). Могли бы использоваться другие слова. И можно, если мы очень хотим, придумать какие-то другие ярлыки, произвести номенклатурную реформу. Можно попробовать договориться называть вот такого рода философию не аналитической, а, например, А-философией. А континентальную — не континентальной, а К-философией. И можно даже делать вид, что А и К означают не «аналитическая» и «континентальная», а, например, «академическая» и «креативная» соответственно⁵⁵.

Проблема в том, что всё это неудобно: любая номенклатурная реформа влечёт большие транзакционные издержки и рискует уйти в песок в отсутствие средств административного принуждения⁵⁶. Возьмём выражение «Средние века». Когда-то оно выражало конкретное

этой концепции «философские добродетели». Он даже вполне корректно указывает на «важность новых идей (insights), а не аргументов» как на одну из таких потенциальных добродетелей (Glock, 2008, 206; второй его пример, «неагрессивная академическая среда», куда менее удачен)! Продолжи он эту линию мысли чуть дальше, он, возможно, пришёл бы к выводам, очень близким моим. К сожалению, он её быстро бросает.

⁵⁴ Pace (Hacker, 1998, p. 5), утверждающему, что «было бы абсурдно разрывать связь между АФ и понятием анализа, от которого она получает своё название».

⁵⁵ Другие (тоже плохие) варианты для пропонентов номенклатурной реформы: рационалистическая/романтическая (ср. Matar, 1998); научная/творческая; институциональная/свободная; сальерианская/моцартанская.

⁵⁶ Пожалуй, стоит уточнить, что это замечание не следует интерпретировать как предложение философскому сообществу раздобыть такие средства.

отношение к соответствующей эпохе: безвременье между просвещённой древностью и возрождением традиций этой древности в Европе Нового времени. Теперь оно уже не выражает никакого подобного отношения и, по существу, вообще не несёт никакой информации. Выражение утратило информативность, но употребление его сохранилось. Мы могли бы его поменять и начать называть этот временной промежуток как-то иначе, но это просто было бы неудобно. Мы привыкли к нему, оно уже много столетий используется в учебниках, исследованиях, разговорной речи. Слова в языке имеют свойство закрепляться и меняться медленнее, чем меняется их содержание и тем более их коннотации. И я утверждаю, что именно это произошло с АФ примерно за последние 100 лет. Та АФ, о которой говорят в 1930-е или 1950 гг. в противоположность идеализму, метафизике, спекулятивной или традиционной философии, и та АФ, о которой мы говорим сегодня в противоположность континентальной философии, — это просто два разных понятия аналитической философии, которые не следует смешивать друг с другом⁵⁷. И если мы не будем этого делать, нам же будет проще.

Поучительным примером здесь является случай уже много раз упоминавшейся книги Глока об АФ (Glock 2008). В ней, перебрав множество вариантов определения этого явления и отбросив их как неподходящие, он приходит к комбинированному определению аналитической философии именно через а) исторический (генетический) и б) доктринально-методологический элементы. Одной из главных причин того, что он вынужден так поступить, кажется, является то, что он имплицитно исходит из того, что у выражения «АФ» на протяжении последних 100 лет его использования есть либо единый, либо по крайней мере главный и основной смысл⁵⁸. Если мы откажемся от этого и разделим доктринальный (исторический) и нормативный

⁵⁷ Единственным известным мне автором, который эксплицитно отделяет понятие исторической («ранней») АФ от понятия современной АФ и определяет каждое из них через собственные характеристики, является Евгений Васильевич Борисов (Борисов, 2021, 144–146). Я не вполне согласен с его определениями, но сам ход кажется мне принципиально верным и чрезвычайно важным.

⁵⁸ Другой причиной неудач с поиском альтернативных подходов к определению Глока является то, что, хотя сам он говорит, что пытается рассмотреть определения, которые состоят из условий, являющихся «по отдельности необходимыми и в совокупности достаточными» (напр., Glock, 2008, 212), фактически он относится к *каждому* из рассматриваемых им условий так, как если бы оно было *в отдельности достаточным*: его типичным приёмом является указание на то, что какая-то черта (опора на анализ, ясность, рациональность) присуща не только АФ, и поэтому не может быть её определяющей чертой. Но это всё равно, что говорить, что наличие спины величиной в $\frac{1}{2}$ не может быть определяющей чертой для нейтрino, поскольку такой же спин есть у каких-то других частиц.

(современный) элементы, его вывод перестанет быть неизбежным. То, что Глок вполне мог бы себе это позволить, подтверждается, помимо всего прочего⁵⁹, тем, что он сам утверждает, что помимо «дескриптивного» смысла этого выражения, который пытается установить он, у него есть также то, что он называет «почтительным» (*honorific*) способом употребления (Glock, 2008, 206 ff., особ. 209), где его «дескриптивный» смысл очень близок к комбинации АФ1 и АФ2, а «почтительный» — к АФ3⁶⁰. Одна из главных его претензий к «почтительному» способу употребления выражения «АФ» в той мере, в какой он близок к моему АФ3, заключается в том, что он, в отличие от дескриптивного способа, неинтересен и неинформативен, поскольку не позволяет провести достаточно важных различий между АФ и другими традициями. Но тот факт, что именно к нему продолжает прибегать значительная часть аналитических философов в последние 30–40 лет⁶¹, кажется, должен заставить нас *prima facie* усомниться в его тривиальности и неинтересности. И я полагаю, что наше сомнение будет не напрасным. АФ в смысле АФ1 или АФ2 является чисто историческим феноменом, интересным прежде всего именно историкам философии, даже когда эта история философии простирается до настоящего момента: при

⁵⁹ Во введении Глок демонстрирует, что он понимает разницу между вопросами об *исторической* АФ и о том, что такое АФ *сегодня*, и утверждает, что он будет пытаться решить прежде всего именно последний (Glock, 2008, 2–3). Но когда дело доходит до того, чтобы очертить содержательный элемент АФ в отличие от генетического, в его таблице семейных сходств оказываются фигуры и направления АФ лишь вплоть до 60-х гг., т. е. содержательная определённость АФ очерчивается по контурам АФ1, исторического, а не современного понятия АФ.

⁶⁰ Глок критикует тех, кто определяет АФ, апеллируя к «почтительному смыслу», за то, что они используют то, что Чарльз Стивенсон называл «мотивированным» (*persuasive*) определением, т. е. прибегают к уловке, протаскивающей их пристрастную позицию в определение термина, чтобы получить преимущество в споре, как если бы мы начали беседу о полезности политиков для общества с их определения как «эгоистичных манипуляторов» (Glock, 2008, 211–212). Не могу удержаться от того, чтобы заметить, что, обозначая этот способ употребления выражения «АФ» «почтительным» (а не «нормативным», как то явно напрашивается в противоположность его собственному «дескриптивному»), он явно виновен в том, в чём упрекает других.

⁶¹ Чему свидетельством подборка цитат в книге самого Глока: со *значительным* отрывом большая часть характеристик АФ, на которые Глок указывает в своей книге, начиная с 1990-х годов (и многие более ранние), апеллируют именно к каким-то элементам АФ3 (если мы исключим цитаты *историков* АФ, пытающихся установить исторические же контуры этого движения, начиная с самых его истоков, то из оставшихся цитат, тех, что апеллируют в том или ином виде к АФ3, будет уже *абсолютное* большинство). В этом смысле этот способ употребления выражения «АФ», существование которого Глок признаёт скорее нехотя и который он пытается представить как скорее маргинальный, если следовать за его собственным текстуальным материалом, кажется, оказывается, напротив, сегодня наиболее распространенным. Впрочем, нельзя, конечно, исключить, что подобное распределение подобралось случайно.

обсуждении того, как правильно отделить такую АФ от каких-то других философий, на кону не более чем историческая точность. АФ в смысле АФЗ — нечто намного более весомое: размежевание между ней и другими философиями — это в том числе размежевание принципиальных взглядов на то, какой должна быть хорошая философия. Размежевание с континентальной традицией в вопросе нормативных ориентиров особенно важно, поскольку последняя представляет собой, насколько можно судить, единственную достаточно хорошо оформленную и ярко выраженную, а также для многих привлекательную альтернативу в вопросе о том, как следует делать философию. Неудивительно, что употребление выражения «АФ» в смысле, близком к АФЗ, кажется, как раз более распространено сегодня и в особенности при самоописании философов: для современных и теоретических (в отличие от чисто исторических) нужд философии понятие АФЗ является, вопреки Глоку, как раз значительно более информативным и интересным.

Список литературы

- Анжель, П. (2024). Китч-реализм (Н. Архипов, Пер.), *Insolarance*, 21 декабря 2024 г. Доступно на: <https://insolarance.com/kitsch-realism/> (Дата доступа: 1 августа 2025).
- Борисов, Е. В. (2021). Аналитическая философия. *Философская антропология*, 7(1), 143–167.
- Васильев, В. В. (2019). Что такое аналитическая философия и почему важен этот вопрос? *Философский журнал*, 12(1), 144–158.
- Витгенштейн, Л. (2008). *Логико-философский трактат* (С. Лахути & И. Добронравов, Пер.). М.: Канон+.
- Вольф, М. Н. (2024). Аналитическая история философии: как прошлое философии становится её будущим, *Историко-философский ежегодник*, 39, 305–336.
- фон Вригт, Г. Х. (2013а). Аналитическая философия: историко-критический обзор (Л. Б. Макеева, Пер.), *Кантовский сборник*, (1), 78–89.
- фон Вригт, Г. Х. (2013б). Аналитическая философия: историко-критический обзор (Л. Б. Макеева, Пер.), *Кантовский сборник*, (2), 69–82.
- Гаспаров, И. Г. (2025) Аналитическая философия сегодня: между триумфом и кризисом. *Analytica*, 10, 76–89.
- Глок, Г.-И. (2022). *Аналитическая философия как она есть* (В. В. Целищев, Пер.). М.: Канон+.
- Грязнов, А. Ф. (1996). Феномен аналитической философии в западной культуре XX столетия, *Вопросы философии*, (4), 37–47.

- Грязнов, А. Ф. (1998). Вступительная статья. В *Аналитическая философия: становление и развитие* (с. 1–16). М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция.
- Делёз, Ж. & Гваттари, Ф. (2009). *Что такое философия?* (С. Зенкин, Пер.). М.: Академический проект.
- Деннет, Д. К. (2024). *Объясненное сознание* (П. И. Быстров, Пер.). М.: Канон+.
- Деннетт, Д. К. & Хоффштадтер, Д. (2003). *Глаз разума*. Самара: Бахрах-М.
- Джохадзе, И. (2016). Аналитическая философия сегодня: кризис идентичности, *Логос*, 26(5), 1–18.
- Джохадзе, И. (2018). История философии как этология. Ответ Константину Скрипнику, *Логос*, 28(6), 234–243.
- Джохадзе, И. (2021). *Брэндом о Гегеле. Опыт аналитического прочтения «Феноменологии духа»*. М.: Канон+.
- Джохадзе, И. (2025). К вопросу об антиисторизме аналитической философии и её эволюции в XX–XXI вв. *Analytica*, 10, 141–157.
- Кардаш, А. (2024). Аналитический и континентальный стиль в философии, *Insolarance*, 28 марта 2021 г. Доступно на: <https://insolarance.com/analytic-and-continental-philosophy/> (Дата доступа: 1 августа 2025).
- Киркэм, Р. Л. (2020). *Теории истины. Вводный курс* (А. Е. Ухов, Пер.). М.: Флинта.
- Лакс, М. Д. (2015). Метафизика в аналитической традиции, *Философский журнал | Philosophy Journal*, 8(2), 5–15.
- Лакс, М. Д. & Крисп, Т. М. (2024). *Метафизика. Современное введение* (М. В. Семиколенных, Пер. С. М. Левин, Науч. ред.). М.: Издательский дом ВШЭ.
- Ламберов, Л. Д. (2010). О мифах и проблемах определения термина «аналитическая философия», *Analytica*, 4, 25–37.
- Ламберов, Л. Д. (2013). Дефляционизм как метафизическая концепция, *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 4(24), 33–39.
- Левин, М. Р. & Уильямсон, Т. (2023). Кант и анализ, *Кантовский сборник*, 42(3), 49–73.
- Логинов, Е. В., Мерцалов, А. В., Юнусов, А. Т. и др. (2017). Пролегомены к проблеме божественного существования, *Финиковый Компот*, 12, 3–45.
- Логинов, Е. В., Мерцалов, А. В., Юнусов, А. Т. и др. (2019). Пролегомены ко всякой будущей теории истины, *Финиковый Компот*, 14, 1–89.

- Логинов, Е. В. Мерцалов А. В., Юнусов А. Т. & Гаврилов М. В. (2020). Пролегомены к моральной ответственности, *Финиковый Компот*, 15, 3–100.
- Логинов, Е. В. (2025). К истории аналитико-континентального разрыва, *Analytica*, 10, 1–75.
- Макеева, Л. Б. (2013). Аналитическая философия, её история и Кант, *Кантовский сборник*, (2), 56–68.
- Макеева, Л. Б. (2019). Аналитическая философия как историко-философский феномен, *Философский журнал*, 12(1), 130–143.
- Маслов, Д. К. (2025). Подспудное плетение духа: размышления о сущности аналитической философии. *Analytica*, 10, 323–359.
- Монк, Р. (2021). *Людвиг Витгенштейн. Долг гения* (А. Васильева, Пер., В. Анашвили, Науч. ред.). М.: Дело.
- Нехаев, А. В. (2025). «Холивар не выдержит двоих»: о границе между аналитической и континентальной философией. *Analytica*, 10, 158–243.
- Никоненко, С. В. (Ред.). (2025) *Аналитическая философия: pro et contra. Антология*. СПб: РХГА, 2025.
- Остин, Дж. (2006). Притворство. В Дж. Остин. *Три способа пролить чернила. Философские работы* (с. 282–301). СПб.: Алетейя; Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Почему новые реализмы важнее, чем кажется (2024). *Ответы философии*, 24 декабря 2024. Available at: <https://t.me/otvetyfilosofii/183>; <https://t.me/otvetyfilosofii/184> (Дата доступа: 21 July 2025).
- Сокал, А. & Брикмон, Ж. (2002). *Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна* (Д. Кралечкин & А. Костикова, Пер.). Москва: Дом интеллектуальной книги.
- Скрипник, К. Д. (2021). История, современное состояние и метафилософия оппозиции «аналитическая/континентальная» философия. *Философский журнал / Philosophy Journal* 14(4), 174–187.
- Страуд, Б. (1998). Аналитическая философия и метафизика. В *Аналитическая философия: становление и развитие* (с. 516–525) М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция.
- Фролов, К. Г. (2025). О некоторых гипотезах по поводу доктринальных различий между аналитической и континентальной философией, *Analytica*, 10, 244–263.
- Ханова П. А. (2025). К имманентной рефлексии аналитико-континентального разрыва, *Analytica*, 10, 360–395.
- Черкасов, Г. В. (2025). Аналитическая философия как интерактивный вид: руководство пользования (осторожно, может не работать), *Analytica*, 10, 264–322.

- Шохин, В. К. (2013). Что же всё-таки такое аналитическая философия? В защиту и укрепление «ревизионизма», *Вопросы философии*, (11), 137–148.
- Шохин, В. К. (2015). «Аналитическая философия: некоторые непроторенные пути», *Философский журнал | Philosophy Journal*, 8(2), 16–27.
- Шохин, В. К. (2018). Новый феномен: страсти по аналитической философии, *Философский журнал*, 11(4), 106–114.
- Шохин, В. (2024). Аналитическая философия: удалось ли наконец её определить? *Логос*, 34(6), 297–320.
- Шрамко, Я. В. (2007). Что такое аналитическая философия? *Эпистемология и философия науки*, 11(1), 87–110.
- Beckermann, A. (2004). Einleitung. In P. Prechtl (Hrsg.), *Grundbegriffe der analytischen Philosophie*. Stuttgart, Weimar: J. B. Metzler.
- Carnap, R. (1961). *Der logische Aufbau der Welt. Scheinprobleme in der Philosophie*. 2. Aufl. Hamburg: Felix Meiner Verlag.
- Casati, F. (2021). *Heidegger and the Contradiction of Being: An Analytic Interpretation of the Late Heidegger*. Routledge.
- Cohen, L. J. (1986). *The Dialogue of Reason: An Analysis of Analytical Philosophy*. Oxford: Clarendon Press.
- Corrado, M. (1975). *The Analytic Tradition in Philosophy: Background and Issues*. Chicago: American Library Association.
- Dennett, D. C. (1988). Quining Qualia. In A. J. Marcel & E. Bisiach (Eds.), *Consciousness in Contemporary Science* (pp. 42–77). Oxford: Oxford University Press.
- Dummett, M. (1978). *Truth and Other Enigmas*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Dummett, M. (1993). *Origins of Analytical Philosophy*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Edmonds, D. (2023). *Parfit: A Philosopher and His Mission to Save Morality*. Princeton: Princeton University Press.
- Føllesdal, D. (1997). Analytic Philosophy: What Is It and Why Should One Engage in It? In H.-J. Glock (Ed.), *The Rise of Analytic Philosophy* (pp. 1–16). Oxford, UK; Malden, MA, USA: Blackwell.
- Glock, H.-J. (2004). Was Wittgenstein an Analytic Philosopher? *Metaphilosophy*, 35(4), 419–444.
- Glock, H.-J. (2008). *What Is Analytic Philosophy?* Cambridge: Cambridge University Press.
- Hacker, P. M. S. (1998). Analytic Philosophy: What, Whence, and Whither? In A. Biletzki & A. Matar (Eds.), *The Story of Analytic Philosophy: Plot and Heroes* (pp. 3–34). Routledge.

- Hare, R. M (1972). A School for Philosophers. In R. M. Hare, *Essays on Philosophical Method* (pp. 38–53). Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Leiter, B. (2004). Introduction, In B. Leiter (Ed.), *The Future for Philosophy* (pp. 1–24). Oxford, New York: Oxford University Press.
- Matar, A. (1998). Analytic Philosophy: Rationalism vs. Romanticism. In A. Biletzki & A. Matar (Eds.) *The Story of Analytic Philosophy: Plot and Heroes*. (pp. 71–87). Routledge.
- Monk, R. (1996). What is Analytical Philosophy? In R. Monk & A. Palmer, *Bertrand Russell and the Origins of Analytical Philosophy* (pp. 1–22). Bristol: Thoemmes Press.
- Nagel, E. (1936). Impressions and Appraisals of Analytic Philosophy in Europe, *The Journal of Philosophy*, 33(1), 5–24; 33(2), 29–53.
- Pap, A (1949). *Elements of Analytic Philosophy*. New York: Macmillan.
- Parfit, D. (2011). *On What Matters*. Oxford: Oxford University Press.
- Preston, A. (2007). *Analytic Philosophy: The History of an Illusion*. London: Continuum.
- Rorty, R. (1992). *The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method*. 2nd edn. University of Chicago Press.
- Ross, J. J. (1998). Analytical Philosophy as a Matter of Style. In A. Biletzki & A. Matar (Eds.), *The Story of Analytic Philosophy: Plot and Heroes* (pp. 56–70). Routledge.
- Ryle, G. (1956). Introduction. In A. J. Ayer, *The Revolution in Philosophy* (pp. 1–11). London: Macmillan.
- Searle, J. R. (1996). Contemporary Philosophy in the United States. In N. Bunnin & E. Tsui-James (Eds.), *The Blackwell Companion to Philosophy* (pp. 1–24). Cambridge, MA: John Wiley & Sons.
- Sluga, H. (1998). Frege on Meaning. In A. Biletzki & A. Matar (Eds.), *The Story of Analytic Philosophy: Plot and Heroes* (pp. 17–34). Routledge.
- Soames, S. (2003). *Philosophical Analysis in the Twentieth Century, Volume 1: The Dawn of Analysis*. STU-Student edition. Princeton University Press.
- Williams, B. (1985). *Ethics and the Limits of Philosophy*. Harvard University Press.
- Williams, B. & Montefiore, A. (1966). *British Analytical Philosophy*. New York: Humanities Press.
- Williamson, T. (2013) *Modal Logic as Metaphysics*. Oxford, New York: Oxford University Press.

Информация об авторе: Юнусов Артём Тимурович, кандидат философских наук, научный сотрудник сектора истории западной философии Института философии РАН, г. Москва, forty-two@mail.ru.

Поступила в редакцию: 02 августа 2025 г.

Принята к публикации: 03 октября 2025 г.

Опубликована: 28 декабря 2025 г.

Artem T. Iunusov

On the Three Analytic Philosophies

Abstract. In this article, I distinguish between three different meanings of the expression “analytic philosophy” and three corresponding concepts currently in use. The first is the *doctrinal* concept of analytic philosophy, associated with a particular set of substantive claims characteristic of English-speaking philosophers in the first half of the 20th century: according to it analytic philosophy presupposes a focus on analysis, trust in logical formalism, anti-metaphysical attitudes, and so on. This concept has historical value but is not suitable for characterizing contemporary analytic philosophy, which has long lacked such (or indeed any) doctrinal specificity. Acknowledging the absence of any necessary doctrinal unity in contemporary analytic philosophy, some philosophers employ another concept to refer to it — one that can be called *genealogical*: they point to a number of founding figures of analytic philosophy in the first sense and define contemporary analytic philosophers as those who are connected to these founders through an unbroken chain of academic and personal succession (i.e., teacher-student relationships, and the like). This genealogical concept yields a useful extensional definition, one that largely aligns with those whom we intuitively tend to recognize as analytic philosophers today. However, its drawback lies in its deflationary nature, depriving the term “analytic philosophy” of any internal content. The third concept is a *normative* one: analytic philosophy as a philosophical practice guided by a particular set of normative ideals — that is, views about what good philosophy should be. These normative ideals include clarity, precision, argumentative rigor, reason-responsiveness, and the like. (By contrast, the normative ideals of continental philosophy may include such things as novelty of ways to think, ability to make an impression, originality, the ability to effect transformative changes in the reader or society, and so on.) I argue that discussions about what analytic philosophy is often conflate these three concepts — a conflation that can and should be avoided — and that the normative concept is the most valuable and illuminating one for characterizing *contemporary* analytic philosophy (as opposed to the historic analytic philosophy, that is best characterized by the doctrinal notion).

Keywords: analytic philosophy, continental philosophy, metaphilosophy, history of philosophy, normativity.

Citation: Iunusov, A. T. (2025). On the Three Analytic Philosophies. *Analytica*, 10, 90–140.

References

- Beckermann, A. (2004). «Einleitung». In P. Prechtl (Hrsg.), *Grundbegriffe der analytischen Philosophie*. Stuttgart, Weimar: J. B. Metzler.
- Borisov, E. V. (2021). Analiticheskaya filosofiya [Analytic Philosophy]. *Philosophical anthropology*, 7(1), 143–167. (in Russian).
- Carnap, R. (1961). *Der logische Aufbau der Welt. Scheinprobleme in der Philosophie*. 2. Aufl. Hamburg: Felix Meiner Verlag.
- Casati, F. (2021). *Heidegger and the Contradiction of Being: An Analytic Interpretation of the Late Heidegger*. Routledge.
- Cherkasov, G. V. (2025). Analytic Philosophy, an Interactive Kind: A User Manual (Warning: May Not Work), *Analytica*, 10, 264–322.
- Cohen, L. J. (1986). *The Dialogue of Reason: An Analysis of Analytical Philosophy*. Oxford: Clarendon Press.
- Corrado, M. (1975). *The Analytic Tradition in Philosophy: Background and Issues*. Chicago: American Library Association.
- Deleuze, G., & Guattari, F. (2009). *Chto takoe filosofiya? [Qu'est-ce que la philosophie?]* (S. Zenkin, Trans.). Moscow: Akademicheskii proekt. (in Russian).
- Dennett, D. C. (1988). Quining Qualia. In A. J. Marcel & E. Bisiach (Eds.), *Consciousness in Contemporary Science* (pp. 42–77). Oxford: Oxford University Press.
- Dennett, D. C. (2024). Obyasnennoe soznanie [Consciousness Explained] (P. I. Bystrov, Trans.). Moscow: Kanon+. (in Russian).
- Dennett, D. C., & Hofstadter, D. (2003). *Glaz razuma [The Mind's I]*. Samara: Bakhrakh-M. (in Russian).
- Dummett, M. (1978). *Truth and Other Enigmas*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Dummett, M. (1993). *Origins of Analytical Philosophy*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Dzhokhadze, I. (2016). Analiticheskaya filosofiya segodnya: krizis identichnosti [Analytic Philosophy Today: Identity Crisis]. *Logos*, 26(5), 1–18. (in Russian).
- Dzhokhadze, I. (2018). Iстория философии как этиология. Ответ Константину Скрипнику [History of Philosophy as Ethology: A Reply to Konstantin Skripnik]. *Logos*, 28(6), 234–243. (in Russian).

- Dzhokhadze, I. (2021). Brandom o Hegele. Opyt analiticheskogo prochteniya “Fenomenologii dukha” [Brandom on Hegel: An Analytical Reading of the Phenomenology of Spirit]. Moscow: Kanon+. (in Russian).
- Dzhokhadze, I. (2025). K voprosu ob antiistorizme analiticheskoy filosofii i yevo evolyutsii v XX–XXI vv. [On the Anti-Historicism of Analytic Philosophy and Its Evolution in the 20th–21st Centuries]. *Analytica*, 10, 141–157. (in Russian).
- Edmonds, D. (2023). *Parfit: A Philosopher and His Mission to Save Morality*. Princeton: Princeton University Press.
- Engel, P. (2024). Kitch-realism [Le réalisme kitsch] (N. Arkhipov, Trans.). *Insolance*, 21 December 2024. Available at: <https://insolance.com/kitsch-realism/> (Accessed: 1 August 2025). (in Russian).
- Føllesdal, D. (1997). Analytic Philosophy: What Is It and Why Should One Engage in It?. In H.-J. Glock (Ed.), *The Rise of Analytic Philosophy* (pp. 1–16). Oxford, UK; Malden, MA, USA: Blackwell.
- Frolov, K. G. (2025). O nekotorykh gipotezakh po povodu doktrinal'nykh razlichii mezdu analiticheskoi i kontinental'noi filosofiei [On Some Hypotheses Regarding Doctrinal Differences between Analytic and Continental Philosophy]. *Analytica*, 10, ????. (in Russian).
- Gasparov, I. (2025). Analiticheskaya filosofiya segodnya: mezdu triumfom i krizisom [Analytic Philosophy Today: Between Triumph and Crisis]. *Analytica*, 10, 76–89. (in Russian).
- Glock, H.-J. (2004). Was Wittgenstein an Analytic Philosopher? *Metaphilosophy*, 35(4), 419–444.
- Glock, H.-J. (2008). *What Is Analytic Philosophy?* Cambridge: Cambridge University Press.
- Glock, H.-I. (2022). Analiticheskaya filosofiya kak ona est' [What Is Analytic Philosophy?] (V. V. Tselishchev, Trans.). Moscow: Kanon+. (in Russian).
- Gryaznov, A. F. (1996). Fenomen analiticheskoi filosofii v zapadnoi kul'ture XX stoletiya [The Phenomenon of Analytical Philosophy in Western Culture of the 20th Century]. *Voprosy filosofii*, (4), 37–47. (in Russian).
- Gryaznov, A. F. (1998). Vstupitel'naya stat'ya [Introductory Article]. In *Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitiye* [Analytical Philosophy: Formation and Development] (1–16). Moscow: Dom intellektual'noi knigi; Progress-Traditsiya. (in Russian).
- Hacker, P. M. S. (1998). Analytic Philosophy: What, Whence, and Whither? In A. Biletzki & A. Matar (Eds.), *The Story of Analytic Philosophy: Plot and Heroes* (pp. 3–34). Routledge.
- Hare, R. M. (1972). A School for Philosophers. In R. M. Hare, *Essays on Philosophical Method* (pp. 38–53). Berkeley and Los Angeles: University of California Press.

- Kardash, A. (2024). Analiticheskii i kontinental'nyi stil' v filosofii [Analytical and Continental Styles in Philosophy]. *Insolarance*, 28 March 2021. Available at: <https://insolarance.com/analytic-and-continental-philosophy/> (Accessed: 1 August 2025). (in Russian).
- Khanova, P. A. (2025). K immanentnoy refleksii analitiko-kontinental'nogo razryva [Towards an Immanent Reflexion of the Analytic-Continental Divide], *Analytica*, 10, 360–395. (in Russian).
- Kirkham, R. L. (2020). Teorii istiny. Vvodnyi kurs [Theories of Truth: A Critical Introduction] (A. E. Ukhov, Trans.). Moscow: Flinta. (in Russian).
- Laks, M. D. (2015). Metafizika v analiticheskoi traditsii [Metaphysics in the Analytic Tradition]. *Filosofskii zhurnal | Philosophy Journal*, 8(2), 5–15. (in Russian).
- Laks, M. D., & Krisp, T. M. (2024). Metafizika. Sovremennoe vvedenie [Metaphysics: A Contemporary Introduction] (M. V. Semikolenykh, Trans., S. M. Levin, Ed.). Moscow: HSE Publ. (in Russian).
- Lamberov, L. D. (2010). O mifakh i problemakh opredeleniya termina “analiticheskaya filosofiya” [On Myths and Problems of Defining the Term “Analytical Philosophy”]. *Analytica*, 4, 25–37. (in Russian).
- Lamberov, L. D. (2013). Deflyatsionizm kak metafizicheskaya kontseptsiya [Deflationism as a Metaphysical Concept]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 4(24), 33–39. (in Russian).
- Leiter, B. (2004). Introduction. In B. Leiter (Ed.), *The Future for Philosophy*. Oxford, New York: Oxford University Press, 1–24.
- Levin, M. R., & Williamson, T. (2023). Kant i analiz [Kant and Analysis]. *Kantian Journal*, 42(3), 49–73. (in Russian).
- Loginov, E. V., Mertsalov, A. V., Iunusov, A. T., et al. (2017). Prolegomeny k probleme bozhestvennogo sushchestvovaniya [Prolegomena to the Problem of God's Existence]. *Date Palm Compose*, 12, 3–45. (in Russian).
- Loginov, E. V., Mertsalov, A. V., Iunusov, A. T., et al. (2019). Prolegomeny ko vsyakoi budushchei teorii istiny [Prolegomena to Any Future Theory of Truth]. *Date Palm Compose*, 14, 1–89. (in Russian).
- Loginov, E. V., Mertsalov, A. V., Iunusov, A. T. & Gavrilov, M. V. (2020). Prolegomeny k moral'noi otvetstvennosti [Prolegomena to Moral Responsibility]. *Date Palm Compose*, 15, 3–100. (in Russian).
- Loginov, E. V. (2025). K istorii analitiko-kontinental'nogo razryva [Towards a History of the Analytic-Continental Divide]. *Analytica*, 10, 1–75. (in Russian).
- Makeeva, L. B. (2013). Analiticheskaya filosofiya, ee istoriya i Kant [Analytical Philosophy, Its History, and Kant]. *Kantian Journal*, (2), 56–68. (in Russian).

- Makeeva, L. B. (2019). Analiticheskaya filosofiya kak istoriko-filosofskii fenomen [Analytical Philosophy as a Historical-Philosophical Phenomenon]. *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 12(1), 130–143. (in Russian).
- Maslov, D. (2025). Podspudnoye pleteniye dukha: razmyshleniya o sushchnosti analiticheskoy filosofii [The Dull Weaving of Spirit: Reflections on the Nature of Analytic Philosophy]. *Analytica*, 10, 323–359. (in Russian).
- Matar, A. (1998). Analytic Philosophy: Rationalism vs. Romanticism. In A. Biletzki & A. Matar (Eds.), *The Story of Analytic Philosophy: Plot and Heroes* (pp. 71–87). Routledge.
- Monk, R. (1996). What is Analytical Philosophy? In R. Monk & A. Palmer, *Bertrand Russell and the Origins of Analytical Philosophy* (pp. 1–22). Bristol: Thoemmes Press, 1–22.
- Monk, R. (2021). *Ludwig Wittgenstein. Dolg geniya* [Ludwig Wittgenstein: The Duty of Genius] (A. Vasilyeva, Trans., V. Anashvili, Ed.). Moscow: Delo. (in Russian).
- Nagel, E. (1936). Impressions and Appraisals of Analytic Philosophy in Europe, *The Journal of Philosophy*, 33(1), 5–24; 33(2), 29–53.
- Nekhaev, A. (2025). «Kholivar ne vyderzhit dvoikh»: o granitse mezhdu analiticheskoy i kontinental'noy filosofiyey [«Holy War Can't Carry Double»: On the Border Between Analytical and Continental Philosophy]. *Analytica*, 10, 158–243. (in Russian).
- Nikonenko, S. V. (Ed.). (2025). *Analiticheskaya filosofiya: pro et contra. Antologiya* [Analytic Philosophy: Pro et Contra. An Anthology]. Saint Petersburg: RKhGA. (in Russian).
- Ostin, J. (2006). Pritvorstvo [Pretending]. In J. Ostin. *Tri sposoba prolit' chernila. Filosofskie raboty* [Three Ways of Spilling Ink: Philosophical Papers] (pp. 282–301). Saint Petersburg: Aleteiya; Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (in Russian).
- Pap, A (1949). *Elements of Analytic Philosophy*. New York: Macmillan.
- Parfit, D. (2011). *On What Matters*. Oxford: Oxford University Press.
- Pochemu novye realizmy vazhnee, chem kazhetся [Why New Realisms Are More Important Than They Appear]. (2024). *Otvety filosofii* [Answers of Philosophy], 24 December 2024. Available at: <https://t.me/otvetyfilosofii/183>; <https://t.me/otvetyfilosofii/184> (Accessed: 21 July 2025). (in Russian).
- Preston, A. (2007). *Analytic Philosophy: The History of an Illusion*. London: Continuum.
- Rorty, R. (1992). *The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method*. 2nd edn. University of Chicago Press.
- Ross, J. J. (1998). Analytical Philosophy as a Matter of Style. In A. Biletzki & A. Matar (Eds.), *The Story of Analytic Philosophy: Plot and Heroes* (pp. 56–70). Routledge.

- Ryle, G. (1956). Introduction. In A. J. Ayer, *The Revolution in Philosophy* (pp. 1–11). London: Macmillan.
- Searle, J. R. (1996). Contemporary Philosophy in the United States. In N. Bunnin & E. Tsui-James (Eds.), *The Blackwell Companion to Philosophy* (pp. 1–24). Cambridge, MA: John Wiley & Sons.
- Shokhin, V. K. (2013). Chto zhe vse-taki takoe analiticheskaya filosofiya? V zashchitu i ukreplenie “revizionizma” [So What Is Analytical Philosophy After All? In Defense and Strengthening of “Revisionism”]. *Voprosy filosofii*, 11, 137–148. (in Russian).
- Shokhin, V. K. (2015). Analiticheskaya filosofiya: nekotorye neprotorennyye puti [Analytical Philosophy: Some Unbeaten Tracks]. *Filosofskii zhurnal | Philosophy Journal*, 8(2), 16–27. (in Russian).
- Shokhin, V. K. (2018). Novyi fenomen: strasti po analiticheskoi filosofii [A New Phenomenon: Emotions Run High for Analytic Philosophy]. *Filosofskii zhurnal | Philosophy Journal*, 11(4), 106–114. (in Russian).
- Shokhin, V. (2024). Analiticheskaya filosofiya: udalos’ li nakonets ee opredelit’? [Analytic Philosophy: Has It Finally Been Defined?]. *Logos*, 34(6), 297–320. (in Russian).
- Shramko, Ya. V. (2007). Chto takoe analiticheskaya filosofiya? [What Is Analytical Philosophy?]. *Epistemology & Philosophy of Science*, 11(1), 87–110. (in Russian).
- Skripnik, K. D. (2021). Istorya, sovremennoe sostoyanie i metafilosofiya opozitsii “analiticheskaya/kontinental’naya” filosofiya [The History, Contemporary State, and Metaphilosophy of the Opposition Analytic/Continental Philosophy]. *Filosofskii zhurnal | Philosophy Journal*, 14(4), 174–187. (in Russian).
- Sluga, H. (1998). Frege on Meaning. In A. Biletzki & A. Matar (Eds.), *The Story of Analytic Philosophy: Plot and Heroes* (pp. 17–34). Routledge.
- Soames, S. (2003). *Philosophical Analysis in the Twentieth Century, Volume 1: The Dawn of Analysis*. STU-Student edition. Princeton University Press.
- Sokal, A., & Bricmont, J. (2002). *Intellektual’nye ulovki. Kritika filosofii postmoderna* [Fashionable Nonsense: Postmodern Intellectuals’ Abuse of Science] (D. Kralechkin & A. Kostikova, Trans.). Moscow: Dom intellektual’noi knigi. (in Russian).
- Straud, B. (1998). Analiticheskaya filosofiya i metafizika [Analytical Philosophy and Metaphysics]. In *Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitiye* [Analytical Philosophy: Formation and Development] (pp. 516–525). Moscow: Dom intellektual’noi knigi; Progress-Traditsiya. (in Russian).
- Vasilyev, V. V. (2019). Chto takoe analiticheskaya filosofiya i pochemu vazhen etot vopros? [What Is Analytic Philosophy, and Why Is It Important to

- Ask?]. *Filosofskii zhurnal* | *Philosophy Journal*, 12(1), 144–158. (in Russian).
- Volf, M. N. (2024). *Analiticheskaya istoriya filosofii: kak proshloe filosofii stanovitsya ee budushchim* [Analytic History of Philosophy: How the Philosophy's Past Becomes Its Future]. *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik*, 39, 305–336. (in Russian).
- von Wright, G. H. (2013a). *Analiticheskaya filosofiya: istoriko-kriticheskii obzor* [Analytic Philosophy: a Historico-critical Survey] (L. B. Makeeva, Trans.). *Kantian Journal*, (1), 78–89. (in Russian).
- von Wright, G. H. (2013b). *Analiticheskaya filosofiya: istoriko-kriticheskii obzor* [Analytic Philosophy: a Historico-critical Survey] (L. B. Makeeva, Trans.). *Kantian Journal*, (2), 69–82. (in Russian).
- Williams, B. (1985). *Ethics and the Limits of Philosophy*. Harvard University Press.
- Williams, B. & Montefiore, A. (1966). *British Analytical Philosophy*. New York: Humanities Press.
- Williamson, T. (2013). *Modal Logic as Metaphysics*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Wittgenstein, L. (2008). *Logiko-filosofskii traktat* [*Tractatus Logico-Philosophicus*] (S. Lakhuti & I. Dobronravov, Trans.). Moscow: Kanon+. (in Russian).

Author's Information: Iunusov, Artem T., C.Sc. (Ph.D.) in Philosophy, Research Fellow at the Department of History of Western Philosophy, RAS Institute of Philosophy, Moscow, forty-two@mail.ru.

Received: 02 August 2025

Accepted: 03 October 2025

Published: 28 December 2025